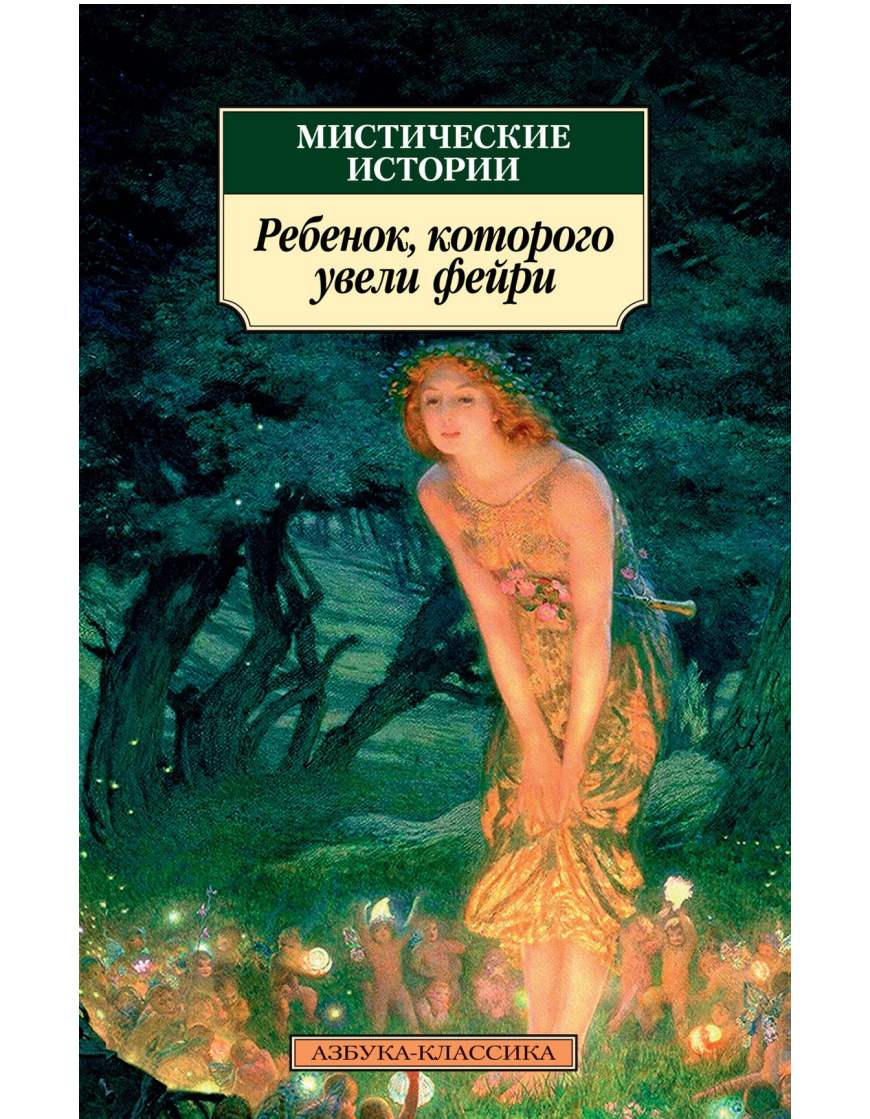

МИСТИЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ

*Ребенок, которого
увели феири*

АЗБУКА-КЛАССИКА

**Эдмунд Гилл Суэйн
Сэйбин Бэринг-Гулд
Монтегю Родс Джеймс
Луиза Болдуин
Эдвард Фредерик Бенсон
Вернон Ли
Джозеф Шеридан Ле Фаню
Эймиас Норткот
Людмила Юрьевна Брилова
Мистические истории.
Ребенок, которого увели феири
Серия «Азбука-классика»**

*текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69482959
Мистические истории : Ребенок, которого увели феири: Азбука,
Азбука-Аттикус; СПб.; 2023
ISBN 978-5-389-23936-4*

Аннотация

Собранные в этой книге мистические истории британских и американских писателей созданы в XIX – начале XX века – в

эпоху расцвета жанра страшного рассказа в литературе Старого и Нового Света. Продолжая традиции европейского готического романа, представленные в сборнике авторы (среди которых такие мастера, как Джозеф Шеридан Ле Фаню, Вернон Ли, Монтегю Родс Джеймс, Эдвард Фредерик Бенсон) создают на страницах своих произведений завораживающую атмосферу Страха и Тайны, приоткрывают двери в потусторонние и инфернальные измерения бытия, вовлекают героев и читателей в область метафизических и психологических загадок. Призраки невинно убиенных и опасные фейри, зловещие места и смертоносные артефакты из прошлого подтверждают старинную гамлетовскую истину: «есть многое на небе и земле», что не снилось скептической философии и рационалистической науке Нового времени.

Содержание

Джозеф Шеридан Ле Фаню	6
Ребенок, которого увели феири	6
Дух мадам Краул	22
Сэйбин Бэринг-Гулд	45
Тетка Джоанна	45
Жан Бушон	64
Меревиги	83
Луиза Болдуин	117
Настоящий и поддельный	117
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Мистические истории: Ребенок, которого увели феири

© С. А. Антонов, перевод, 2009

© С. А. Антонов, комментарии, 2009, 2014, 2018, 2021

© Л. Ю. Брилова, состав, 2021

© Л. Ю. Брилова, перевод, 2003, 2004, 2007, 2008, 2009,
2011, 2017, 2018

© А. А. Липинская, перевод, 2018

© Н. Ф. Роговская, перевод, 2018, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Джозеф Шеридан Ле Фаню

Ребенок, которого увели фейри

1

К востоку от старинного города Лимерика² находится древняя и очень узкая дорога, миль приблизительно в десять, огибающая подножие горной гряды, называемой Слив-Фелимскими холмами³, – они славны тем, что там, среди скал и лощин, укрывался Сарзфилд⁴, когда пересекал их,

---

¹ *Фейри* — в кельтской мифологии и мифологиях европейских народов, впитавших культурные традиции кельтов, общее название низших сверхъестественных существ, весьма разнородных по внешности и повадкам (феи, эльфы, сиды, лепреконы, банши, брауни и др.) и имеющих обыкновение вмешиваться в повседневную жизнь человека – с якобы дружескими намерениями, но нередко лукавых, мстительных и приносящих вред людям. Наибольшее распространение представления о фейри получили в Ирландии, Корнуолле, Уэльсе и Шотландии.

² *Лимерик* – древний город-графство на западе Центральной Ирландии, на границе графств Лимерик и Клэр.

³ *Слив-Фелимские холмы* — горная гряда на юге Ирландии, в провинции Манстер, на территории графств Лимерек и *Типперэри*.

⁴ Патрик *Сарзфилд*, 1-й граф Лукан (ок. 1655–1693), – ирландский аристократ, офицер, приближенный Якова II Стюарта (1633–1701) – короля Англии, Шотландии и Ирландии в 1685–1688 гг. Во время Войны двух королей, или Якобитской войны в Ирландии (1689–1691), – вооруженного конфликта между Яковом II и королем Англии и Шотландии в 1689–1702 гг. *Вильгельмом III Оранским* (1650–1702) – Сарзфилд, как и большинство ирландцев, сохранил вер-

дабы устремиться в храбрую атаку на обозы с боеприпасами и артиллерию короля Вильгельма, которые были отправлены на помощь осаждающей армии. Дорога эта соединяет две другие – от Лимерика к Типперэри и старый тракт из Лимерика в Дублин – и пролегает среди болот, пастбищ и холмов, вблизи расположенных в долинах деревень с соломенными крышами и руин замков; общая длина ее – почти двадцать миль.

На одном участке этой дороги, у подножия упомянутых выше гор, царит необычное запустение. Длинной более чем три ирландские мили⁵, он пересекает дикую местность. Если двигаться по нему на север, то по левую руку окажется обширное черное болото, плоское, как озеро, и окаймленное рощей, а по правую – неровная череда одетых вереском гор; кое-где ее прерывают ряды серых утесов (своим смелым ровным контуром они напоминают замковые укрепления), кое-где прорезают ущелья, которые, расширяясь, переходят тут и там в усеянные камнями и деревьями долины, а те – в открытое пространство у дороги.

На несколько миль по одинокой окрестности тянется скудное пастбище, где бродят немногочисленные овцы и ко-

---

ность свергнутому правителю-католику; он участвовал в знаменитой битве на реке Бойн (11 июля 1690 г.), а в начале августа 1690 г. кавалерия под его командованием разгромила артиллерийский обоз армии Вильгельма возле деревни Бэллинити, в 10 км от Лимерика, заставив противника временно отказаться от осады этого города.

⁵ Ирландская миля – 1,27 английской мили, или 2,048 км.

ровы; там под прикрытием холмика и двух-трех больших ясеней стояла много лет назад крытая соломой хижина, принадлежавшая вдове по имени Мэри Райан.

Нелегко жилось вдове в этом нищем крае. Соломенная крыша ее хижины приобрела серый оттенок и осела – так сказалось на этом утлом крове чередование дождливых и солнечных дней.

Но какие бы опасности ни грозили этому жилищу, от одной оно было избавлено благодаря предусмотрительности, проявленной в свое время его обитателями. Вокруг хижины стояло полдюжины рябин – деревьев, враждебных ведьмам. К видавшим виды дверным доскам были прибиты две подковы, на притолоках и по всей крыше пышными пучками росла трава молодило, известная издревле как средство от самых разных болезней, а также от проделок нечистого⁶. Шагнув с порога вниз, в *chiaroscuro*⁷ внутри хижины, и приспособившись к тусклому освещению, вы различили бы в головах вдовьей постели, над которой высился деревянный балдахин, висящие на спинке четки и склянку со святой водой.

---

⁶ ...по всей крыше пышными пучками росла трава молодило, известная издревле как средство от самых разных болезней, а также от проделок нечистого. – Молодило («живучка», «заячья капуста», *лат. Sempervivum*) – род цветковых растений семейства толстянковые. В Средние века считали, что молодило, высаженное на крыше дома, защищает его от молнии. С давних времен использовалось для отпугивания нечистой силы и изготовления колдовских отваров и зелий. В народной медицине применяется как средство от лихорадки, эпилепсии, ангины, трофических язв и других заболеваний.

⁷ Светотень (*ит.*).

Несомненно, здесь были возведены заслоны от вторжения потусторонних злобных сил, о близости которых уединенно живущей семье постоянно напоминали очертания Лиснавуры⁸ – пустынного холма, облюбованного фейри, или «славным народцем», как их обычно предпочитают называть. Увенчанный странной куполообразной вершиной, он виднелся в полумиле и походил на внешнее укрепление, помещенное перед изогнутой линией гор.

Уже наступила пора листопада, осеннее солнце клонилось к горизонту, и очарованная Лиснавура отбрасывала длинную тень, которая накрывала волнистые склоны Слив-Фелимских холмов и кончалась почти у порога крохотной одинокой хижины. Перед домом, на ветвях печальных ясеней, стоявших вдоль дороги, пели в редеющей листве птицы. Трое младших детей вдовы играли на дороге, и их голоса звучали попеременно с вечерним птичьим пением. Старшая сестра, Нелл, оставалась «на хозяйстве» и варила к ужину картошку.

Мать ушла с корзиной на болото за торфом. Такой в этих краях существовал – а может быть, и ныне существует – милосердный обычай (дай бог, чтобы он не исчезал как можно дольше): когда состоятельные люди, нарезав торф, складывали его на болоте, они оставляли рядом кучу поменьше, для бедных; бедняки могли брать оттуда сколько угодно, пока торф не кончится, и таким образом их очаги зимой не остывали, а в горшках с картошкой кипела вода.

---

⁸ *Лиснавура* — вымышленный топоним.

Молл Райан взобралась по крутому борину⁹, края которого заросли колючими кустами и ежевикой, и, ссутулясь под ношей, вошла в дверь; темноволосая Нелл со словами приветствия взяла у матери корзину.

Молл Райан со вздохом облегчения огляделась и, вытирая лоб, воскликнула на манстерском диалекте:

– Ух! Ну и умаялась – Господи благослови. А где малыши, Нелл?

– Играют на дороге, мама; разве ты их не видела, когда поднималась?

– Нет, на дороге никого не было, – с легким беспокойством отвечала вдова, – ни души; что же ты за ними не смотрела, Нелл?

– Ну, значит, играют на гумне или за домом. Позвать их?

– Позови, моя хорошая, ради бога, позови. Видишь, куры возвращаются в курятник и солнце уже спустилось к Нокдауле¹⁰. А я пока отдышусь.

Рослая темноволосая Нелл выбежала за дверь и, стоя на дороге, поглядела вправо и влево, но не обнаружила ни двоих своих младших братьев, Кона и Билла, ни маленькой сестренки Пег. Она стала звать, однако с гумна, обсаженного редким кустарником, ответа не последовало. Нелл прислушалась, но детских голосов не различила. Через перелаз она побежала за дом – всюду было тихо и пусто.

---

⁹ *Борин* (ирл. bohereen) – узкая дорожка.

¹⁰ *Нокдаула* — вымышленный топоним.

Напрягая зрение, она стала разглядывать болото внизу, но детей не было и там. Прислушалась снова – молчание. Вначале Нелл рассердилась, но теперь ею овладели совсем иные чувства и она побледнела. Страшась сама не зная чего, она подняла глаза на вересковый купол Лиснавуры, темно-фиолетовый на фоне пламенеющего заката.

Все более тревожась, Нелл опять вслушалась, но уловила только прощальный щебет и посвистывание птиц в кустах. Как много историй рассказывалось зимой у очага о том, как детей, гулявших в сумерках по безлюдным местам, похищали фейри! Именно этого – как было известно Нелл – все время опасалась ее мать.

Никто в округе не собирал по вечерам свой маленький выводок под крыло раньше, чем боязливая вдова Райан, и ни одна дверь «в семи приходах»¹¹ так рано не запиралась на засов, как дверь ее хижины.

Нелл страшилась фейри, как и все ее сверстники в тех краях, и даже больше, – поскольку видела, с каким ужасом вспоминает об этих злобных и коварных существах ее мать. В испуге, не спуская глаз с Лиснавуры, девочка вновь и вновь осеняла себя крестным знамением и бормотала молитвы. Ее прервал оклик матери, донесшийся с дороги. Нелл отозвалась и кинулась, огибая хижину, к дверям, где стояла вдова.

– Куда же подевались ребята... ты их не видела? – крик-

---

¹¹ ...«в семи приходах»... – Диалектное выражение, означающее «по соседству», «в округе».

нула миссис Райан, когда Нелл показалась на перелазе.

– Полно, мама, они просто побежали вниз по дороге и с минуты на минуту возвратятся. Они ведь как козы, куда только не заберутся. Попадись они мне, уж я им всыплю по первое число.

– Прости тебя Господи, Нелл! Ребятишки пропали. Их увели, а вокруг ни души и до отца Тома целых три мили! Что же делать, кого сейчас, на ночь глядя, звать на помощь? Ох, горе горькое! Пропали мои детки!

– Ну-ну, мама, успокойся – видишь, они идут.

И Нелл принялась кричать и махать руками, грозя озорникам взбучкой, а они тем временем подходили все ближе. Невдалеке от хижины на дороге начинался уклон, поэтому их и не было видно раньше. Дети шли с запада, как раз оттуда, где стоял страшный холм Лиснавура.

Но их было всего двое, а девочка громко плакала. Мать с сестрой, испугавшись больше прежнего, ринулись им навстречу.

– Где Билли... где он? – выкрикнула, едва приблизившись, обессиленная мать.

– Его нет... они его забрали; но они сказали, он еще вернется, – ответил Кон, маленький мальчик с темно-каштановыми волосами.

– Его забрали с собой важные леди, – всхлипывала девочка.

– Что за леди?.. Откуда? Ох, Зайчик, сокровище мое! Сы-

ночек, родной мой, неужели я тебя больше не увижу? Где он? Кто его увел? Что это за леди такие? Куда он пошел? – рыдала обезумевшая от горя вдова.

– Я не видела, мама, но как будто бы к Лиснавурскому холму.

Дико вскрикнув, несчастная женщина опрометью кинулась туда; она размахивала руками и громко звала своего пропавшего мальчика.

Охваченная страхом, Нелл не решилась последовать за матерью, а только проводила ее взглядом и ударилась в слезы; остальные дети тоже зарыдали один громче другого.

Сумерки сгущались. Давно уже прошел тот час, когда семья вдовы имела обыкновение надежно запирается в своем обиталище. Нелл отвела младших в хижину и усадила у огня, а сама осталась стоять у открытой двери, с тревогой ожидая возвращения матери.

Мать появилась нескоро. Она вошла, села у огня и душевраздирающе зарыдала.

– Задвинуть засов, мама? – спросила Нелл.

– Да, задвинь... Я сегодня и так слишком много лишилась, не хочу потерять еще кого-нибудь из вас. Но сперва сбрызнись-ка святой водой и принеси ее сюда – я окроплю себя и малышей; сдастся мне, Нелл, ты забыла это сделать, когда выпускала детей на ночь глядя гулять. Иди сюда, сядь мне на колени, мой маленький, и ты иди, моя душечка; обнимите меня покрепче, во имя Господне, и я вас обниму,

чтобы никто вас у меня не отнял, и расскажите все: что и как случилось – оградите нас, Боже, от всякого зла – и кто вам встретился.

Дверь закрыли на засов, и двое ребяташек, перебивая друг друга, повели свой странный рассказ, который то и дело прерывала к тому же своими вопросами мать, поэтому я лучше изложу его связно и своими словами.

Трое детей вдовы Райан играли, как я уже говорил, на узкой старой дороге перед домом. Маленький Билл, или, иначе, Зайчик, был прехорошенький мальчик лет пяти, золотоволосый, с большими голубыми глазами, свежий и цветущий; взгляд Билли отличался наивной серьезностью, какой не встретишь у городских ребяташек. Вместе с мальчиком были его сестренка Пег, приблизительно годом старше, и брат Кон, на год с небольшим старше Пег.

В свете закатного октябрьского солнца ребята устроились под громадным старым ясенем, который ронял им под ноги последние листья, и весело и увлеченно, как свойственно деревенским детям, принялись за шумную игру; лица их при этом были обращены к западу, к овеянному легендами холму Лиснавура.

И вдруг сзади их окликнул громкий пронзительный голос, приказывая убраться с дороги; они обернулись – и перед ними оказалось никогда прежде не виданное зрелище. Это была карета, запряженная четверкой лошадей; скакуны, которых, судя по всему, только что осадил кучер, фыркали и в

нетерпении били копытом. Дети, выбравшись у них из-под самых ног, отпрянули к обочине перед собственной дверью.

Карета, вместе со всеми своими принадлежностями, сверкала старомодным великолепием и совершенно ошеломила детей, которым до сих пор не доводилось видеть ничего внушительней повозки с торфом и, однажды, почтового экипажа из Киллало¹².

Это была старинная роскошь. Алая упряжь искрилась золотом. Лошади, громадные и белоснежные, трясли своими пышными гривами, и те, казалось, текли и струились по воздуху, то удлиняясь, то укорачиваясь, как дым; на длинных хвостах были завязаны банты из широкой, алой с золотом ленты. Карета с гербом сияла разными красками и позолотой. Лакеи были наряжены в пестрые ливреи и треуголки, как и кучер, но на последнем красовался большой, похожий на судейский, парик, а прически лакеев состояли из собственных волос, завитых и напудренных, с бантом и косичкой, свисавшей вдоль спины.

Все слуги были какие-то коротенькие, нелепо несоразмерные гигантским пропорциям упряжки; на их желтых, с резкими чертами и горящими беспокойными глазками лицах лежал отпечаток такого коварства и злобы, что у детей по коже побежали мурашки. Крошка кучер бросал из-под треуголки хмурые взгляды и показывал белые клыки; его глаза-бусинки подрагивали от ярости в орбитах; он крутил кну-

---

¹² *Киллало* — селение на востоке графства Клэр.

том над головами детей, пока взмахи не стали казаться им в вечерних лучах огненными вспышками, а шелканье – криком легионов воздушной нечисти.

– Заградить дорогу принцессе? – душераздирающе взвизгнул кучер.

– Заградить дорогу принцессе? – пропищали по очереди лакеи, злобно оглядываясь на детей и скрежеща острыми зубами.

Дети были так испуганы, что только таращили глаза, белея от ужаса. Но тут из открытого окошка кареты донесся нежный голос, который ободрил малышей и заставил умолкнуть лакеев.

Красивая и «очень шикарная» дама улыбалась детям из окошка, и в лучах этой странной улыбки они почувствовали себя очень приятно.

– Сдается мне, это мальчик с золотыми волосами, – произнесла дама, останавливая на маленьком Зайчике взгляд своих больших и удивительно светлых глаз.

Верх кареты был почти весь стеклянный, и дети разглядели внутри еще одну женщину, которая понравилась им куда меньше, чем первая.

Она была черная, с длинной-предлинной шеей, увешанной множеством ожерелий из крупных разноцветных бусин; голову женщины покрывал тюрбан из шелка с полосками всех цветов радуги, к которому была прикреплена золотая звезда.

Худое лицо черной женщины напоминало обтянутый кожей скуластый череп. Она взглянула через плечо красивой дамы и шепнула что-то ей на ухо, продемонстрировав при этом белки больших навывкате глаз и широкий ряд зубов – и то и другое белело еще ярче на фоне темной кожи.

– Да, сдается мне, это мальчик с золотыми волосами, – повторила дама.

Голос ее прозвенел в ушах детей серебряным колокольчиком, а улыбка зачаровывала, как свет волшебной лампы, и, когда дама высунулась из окна и окинула золотоволосого голубоглазого Билли невыразимо ласковым взглядом, мальчик невольно ответил ей снизу такой же нежной улыбкой, после чего дама склонилась и протянула к нему свои унизанные кольцами руки и Билли вскинул ручонки ей навстречу. Брат и сестра малыша не видели, как соприкоснулись их руки, но слышали слова: «Иди сюда и поцелуй меня, мой милый»; затем дама подняла Билли, который взлетел в ее пальчиках легко, как перышко, усадила к себе на колени и принялась целовать.

Ничуть не испуганные, дети были бы только рады поменяться местами со своим младшим братом, которому так повезло. Только одно их смутило и немного встревожило: поведение черной женщины, которая по-прежнему стояла в карете навывтяжку. Женщина поднесла, скомкав, к губам богатый шелковый с золотом платок и, как показалось детям, стала складка за складкой запихивать его в свой объемистый

рот; они подумали, что так она старалась подавить судорожный смех, от которого содрогалась с головы до пят. Однако в глазах женщины (платок их не скрывал) таилась такая лютая злоба, какой дети никогда раньше не видели.

Однако другая дама была так красива, что брат с сестрой перевели взгляд на нее, а красавица продолжала осыпать ласками и поцелуями малыша, сидевшего у нее на коленях. Улыбнувшись старшим, она показала им большое коричневое яблоко, которое держала в руке; карета потихоньку тронулась, а дама кивком пригласила детей взять угощение и уронила его из окошка на дорогу. Яблоко немного прокатилось за каретой, дети побежали следом; потом красавица уронила еще одно, и еще... И со всеми яблоками случалась одна и та же история: стоило кому-нибудь из ребятишек его коснуться, как оно закатывалось куда-нибудь в ямку или канаву, и дети, подняв голову, видели, что дама бросает следующее, и погоня возобновлялась; так все и шло, пока дети, не подозревая, что забрались в такую даль, не очутились на старой развилке, где начиналась дорога на Оуни¹³. Там им почудилось, будто из-под лошадиных копыт и колес кареты взметнулось большое облако непонятной пыли; среди полного безветрия налетел, как иногда бывает, вихрь и закрутил пыль в столб; на мгновение он накрыл ребят, а потом, кружась, устремился к Лиснавуре, а в центре столба (как представилось детям) летела карета, но внезапно вихрь опал, солома и листья опу-

---

¹³ Оуни и Арра – район в графстве Типперэри.

стились на землю, пыль рассеялась, и ни белых лошадей, ни лакеев, ни позолоченной кареты, ни дамы с их золотоволосым братиком – ничего на том месте не оказалось.

В тот же миг верхний край солнечного диска опустился за холм Нокдаула и наступили сумерки. Когда так внезапно стемнело, детям стало не по себе, а увидев нависшую совсем близко круглую верхушку Лиснавуры, они испугались еще больше.

Они принялись звать брата, но их крики терялись в пустоте. Одновременно им почудился глухой голос, произнесший невдалеке: «Ступайте домой».

Оглянувшись и никого не увидев, дети пришли в ужас; они взялись за руки и изо всех сил заторопились домой (девочка при этом заливалась слезами, а ее брат от страха сделался белым, как мел), чтобы рассказать свою странную историю, а о дальнейшем мы уже знаем.

С тех пор Молли Райан ни разу не видела своего дорогого сыночка. Но своим товарищам по играм маленький Билли иногда показывался.

Бывало, когда мать отлучалась, чтобы заработать немного на уборке сена, а Нелл мыла к обеду картошку или полоскала белье в речушке, которая течет поблизости в низине, в дверь лукаво заглядывало хорошенькое личико малыша Билли и молча улыбалось сестре и брату; с криками восторга дети бежали обнять братика, но тот, по-прежнему шаловливо улыбаясь, отступал; выбежав из дому, дети обнаруживали, что

Билли пропал, не оставив ни единого следа.

Так, или приблизительно так, случалось часто. Иногда Билли показывался лишь на мгновение, а иногда задерживался дольше; бывало, он просовывал в дверь руку и пальцем манил брата и сестру к себе; неизменным оставались только улыбка, лукавый взгляд и настороженное молчание, и всегда Билли скрывался, стоило детям подбежать к двери. Со временем он стал являться все реже, а месяцев через восемь окончательно прекратил свои посещения, и с этой поры навсегда потерянный мальчик занял в воспоминаниях брата и сестры место среди покойников.

Однажды зимним утром, приблизительно через полтора года после исчезновения Билли, мать еще до рассвета отправилась на рынок продавать кур. Пег, лежавшая рядом с крепко спящей сестрой, услышала на рассвете, как осторожно приподнимается дверной крючок; вслед за тем в дом вошел маленький Билли и тихонько закрыл за собой дверь. Было уже довольно светло, и Пег разглядела, что он бос, одет в лохмотья и лицо у него бледное и исхудавшее. Он шагнул прямо к огню, склонился, съезжившись, над угольками и стал медленно тереть ладонь о ладонь; собирая в кучу кусочки тлеющего торфа, он, казалось, дрожал.

Девочка в ужасе обхватила сестру и зашептала: «Проснись, Нелли, проснись – Билли вернулся!»

Нелли спала беспробудным сном, но маленький мальчик, вытянувший руки над самыми угольками, обернулся и ис-

пуганно (как показалось Пег) взглянул на кровать; девочка заметила, как его худые щеки осветились слабым пламенем очага. Билли встал, молча на цыпочках поспешил к двери и выбрался наружу так же осторожно, как и вошел.

С тех пор мальчика никогда уже не видел никто из родных.

«Доктора-фейриведы», знатоки тайных наук, которых, как было принято в таких случаях, призвали на помощь, оказались бессильны. Иные – благочестивые – ритуалы, совершенные отцом Томом, также не возымели действия. Таким образом, для матери, брата и сестер маленький Билли умер, но могилы он не обрел. Все прочие, кого оплакали любящие близкие, лежат в освященной земле на старом абингтонском кладбище¹⁴, и могильные камни указывают, где живые могут преклонить колени и помолиться за упокой души усопшего. Но ничем не помечено то место, где скрылся из глаз родных маленький Билли, разве что считать таковым старый холм Лиснавуру, который отбрасывает на закате длинную тень до самого порога хижины; белый и туманный в лунном свете, этот холм притягивал к себе взор подростка Кона, когда тот возвращался ночью с ярмарки или с рынка, и юноша, невольно вздохнув, возносил молитву за своего давно и безвозвратно потерянного младшего брата.

---

¹⁴ ...на старом абингтонском кладбище... – Абингтон – округ, расположенный частично на территории графства Лимерик (где находится также деревня Абингтон), частично – на территории Типперэри.

Дух мадам Краул

Нынче я уже старуха, а к тому дню, когда меня привезли в Эпплуэйл-Хаус, мне не сравнялось еще и четырнадцати. Моя тетка служила там экономкой, и в Лексхо прислали лошадь с коляской, чтобы отвезти меня и мой сундучок в Эпплуэйл¹⁵.

Мне сделалось немножечко боязно еще по дороге в Лексхо, а стоило мне увидеть коляску и лошадь, как тут же захотелось обратно к маме, в Хейзелден. Когда я влезала в «возок» (так мы называли коляску), слезы у меня потекли ручьем, и старый Джон Малбери, который правил лошадью, купил мне в утешение – добрая душа – несколько яблок в «Золотом льве» и еще сказал, что в большом доме есть пирог с корицей, и чай, и свиные отбивные – все это стоит горячее у тетушки в комнате и ждет меня не дождется. Ночь была лунная, красивая; я ела яблоки и выглядывала в окошко возка.

Стыд и срам, когда джентльмены страшат маленькую глупышку, какой я тогда была. Иной раз мне сдается, что они надо мной смеялись. Их сидело двое в почтовой карете позади меня. И они давай меня расспрашивать (а ночь уже настала, и взошла луна), куда это я еду. Я и рассказала им, что собираюсь прислуживать госпоже Арабелле Краул в Эпплуэйл-Хаус, под Лексхо.

---

¹⁵ *Эпплуэйл-Хаус, Лексхо, Хейзелден* — вымышленные топонимы.

– А, ну тогда долго ты там не задержишься! – говорит один из них.

И я удивленно на него вылупилась, желая спросить: «Это еще почему?»; я ведь докладывала им, куда еду, с умным видом и задравши нос.

– Дело вот в чем... – продолжает джентльмен, – но только ты ни за что на свете никому об этом не говори, лишь поглядывай за ней да примечай, дело в том, что в нее вселился дьявол; она и сама больше чем наполовину дух. У тебя Библия есть?

– Да, сэр, – говорю. (Потому что матушка сунула мне в сундучок маленькую Библию, и я знала, что книга там; между прочим, она и сейчас у меня в шкафу, хотя буквы в ней чересчур маленькие для моих старых глаз.)

Когда я при словах «Да, сэр» на него взглянула, то он как будто бы подморгнул своему приятелю, но, может, мне и почудилось.

– Хорошо, – говорит джентльмен, – не забывай класть ее на ночь под подушку, и тогда старуха до тебя не доберется.

Какой тут на меня напал страх, вообразите сами! Мне хотелось многое у него выспросить про старую леди, но я слишком робела, а они с приятелем стали толковать про свое, и сошла я в Лексхо, как я уже рассказывала, не зная, что и думать. Когда мы въехали в темную аллею, душа у меня ушла в пятки. Деревья там росли густые-прегустые, большущие и почти такие же старые, как дом, и четверо человек стояли,

держась за вытянутые руки, а одежды кое на ком из них – кот наплакал.

Я высунулась из окошка и вытянула шею, чтобы получше рассмотреть большой дом, и сама не заметила, как мы очутились у крыльца.

Дом этот просторный, черно-белый, со здоровенными черными балками наискосок и стоймя; его белые, как простыни, фронтоны смотрели прямо на луну, и на фасад падали тени двух-трех деревьев – такие четкие, что можно было сосчитать каждый листочек, и на всей передней части дома одно лишь окно большого холла сверкало множеством фигурных стеклышек, а на все остальные окна были по-старинному навешены наружные ставни, заколоченные крест-накрест; это потому, что в доме, кроме старой хозяйки, жили еще всего трое или четверо слуг и больше половины комнат пустовало.

Как подумала я, что вот и кончилась поездка, что стою я уже перед господским домом и где-то поблизости тетка, которой я никогда не видела, а с ней и хозяйка, мадам Краул, незнакомая, но уже такая страшная, и сердце у меня перевернулось.

Тетушка поцеловала меня в холле и повела к себе. Была она высокая и худая, лицо бледное, глаза черные, на длинных тонких руках черные митенки¹⁶. Ей шел шестой десяток, и

---

¹⁶ *Митенки* — перчатки без пальцев, удерживающиеся на руке с помощью перемычек между пальцами или благодаря пластическим свойствам материала, из

слов зря она не тратила, но каждое ее слово было закон. Жаловаться не на что, но женщина она была строгая, и сдается мне: приходишь я ей племянницей по сестре, а не по брату, она была бы со мной ласковее. Правда, что сейчас об этом говорить!

Сквайр – звали его мистер Чивни Краул и был он внуком мадам Краул – заявлялся туда раза два или три в год – только присмотреть, чтобы старую леди обихаживали как полагается. За все время я видела его в Эпплуэйл-Хаус всего лишь дважды.

И, несмотря ни на что, уход за ней был хороший, и благодарить за это нужно мою тетушку и миссис Уайверн, горничную, – они долг свой знали и служили на совесть.

Миссис Уайверн (обращаясь к ней, тетушка говорила «Мэг Уайверн», а мне про нее – «миссис Уайверн») была женщина пятидесяти лет, толстая и веселая, солидная что ростом, что обхватом, никогда не сердилась и ходила черепашьим шагом. Жалованье она получала хорошее, но тратить-ся не очень любила; тонкое белье она держала под замком и носила обычно хлопковую саржу шоколадного цвета с рисунком из красных, желтых и зеленых веточек и горошин, и служило это платье на удивление долго.

Она ни разу мне ничего не подарила – ни на медный грош, – но была добра и всегда смеялась, за чаем болтала без умолку одно и то же; когда она видела, что я приуныла или

растерялась, она развлекала меня шутками и историями, и мне кажется, я любила ее больше, чем тетушку, – ведь дети падки до забав и сказок, а тетушка хотя и сделала мне много добра, но все же кое в чем бывала строга и вечно молчала.

Тетушка отвела меня к себе в спальню, чтобы я немного отдохнула, пока она будет готовить чай. Но прежде она хлопала меня по плечу и сказала, что я высокая девочка для своих лет и здорово вымахала, и спросила, умею ли я шить и вышивать, и, взглядевшись мне в лицо, сказала, что я похожа на своего отца, ее брата, который умер и погребен, и она надеется, что я добрая христианка, не то что он, и умею вести себя как подобает.

И я подумала, что, с тех пор как я вошла к ней в комнату, впервые слышу от нее недобрые слова.

А когда я перешла из спальни в комнату экономки, такую уютную, сплошь в дубовых панелях, в камине вовсю полыхали угли, и торф, и поленья – всё вместе, а на столе стоял чай, и горячие пирожки, и мясо, от которого поднимался дымок; там же сидела миссис Уайверн, толстая и веселая, и рот у нее не закрывался – за час она успевала сказать больше слов, чем тетушка за год.

Я еще пила чай, когда тетушка поднялась наверх проводить мадам Краул.

– Она пошла взглянуть, не задремала ли старая Джудит Сквейлз, – молвила миссис Уайверн. – Джудит сидит с мадам Краул, когда мы с миссис Шаттерз (так звали мою тетушку)

обе отлучаемся. Со старой леди хлопот не оберешься. Тебе придется смотреть в оба, а то она или свалится в огонь, или выпадет из окошка. Она вся как на иголках, даром что старуха.

– А сколько ей лет, мэм? – спросила я.

– Девяносто три года сравнялось, и еще восемь месяцев, – говорит миссис Уайверн со смехом. – И не расспрашивай о ней при тетушке... имей в виду; довольно с тебя того, что сама увидишь, вот и все.

– А что мне придется для нее делать – будьте добры, мэм? – спрашиваю.

– Для старой леди? Это тебе объяснит твоя тетя, миссис Шаттерз, но я так понимаю, что тебе придется сидеть с шитьем у нее в комнате и следить, как бы со старой леди чего-нибудь не приключилось и чтобы она забавлялась своими вещичками за столом; еще нужно будет, если она пожелает, приносить ей еду или питье и смотреть, чтобы чего не стряслось, и звонить в колокольчик, если она закапризничает.

– Она глухая, мэм?

– Нет, она и слышит и видит на три аршина под землей, но она совсем того и не в ладах с памятью; ей что Джек Истребитель Великанов¹⁷ или Матушка Паратуфель¹⁸, что ко-

---

¹⁷ *Джек Истребитель Великанов* — герой английских народных сказок «Джек Истребитель Великанов» и «Джек и бобовый стебель».

¹⁸ *Матушка Паратуфель* – героиня английской сказки «История маленькой миссис Паратуфель», анонимно опубликованной в 1765 г. знаменитым издателем детских книг Джоном Ньюбери (1713–1767) и сюжетно напоминающей исто-

ролевский двор или государственные дела – все едино.

– А почему, мэм, ушла та девочка, которая нанялась в пятницу? Тетя писала моей матушке, что ей пришлось уйти.

– Да, она ушла.

– А почему? – повторила я.

– Миссис Шаттерз она не устроила, так я понимаю, – отвечала миссис Уайверн. – Не знаю. Болтай поменьше, твоя тетя не выносит болтливых детей.

– Пожалуйста, мэм, скажите, как здоровье у старой леди?

– Ну, об этом спросить можно. Давеча немного раскисла, но на этой неделе ей получше; верно, до ста лет дотянет. Тсс! Вот и тетя твоя идет по коридору.

Вошла тетушка и начала говорить с миссис Уайверн, я же, привыкнув немного и освоившись, стала ходить туда-сюда по комнате и рассматривать вещи. На буфете стояли красивые старинные безделушки из фарфора, на стене висели картины; прямо в стенной панели я увидела открытую дверцу, а за ней – старинный кожаный камзол, и такой чудной: с ремешками и пряжками и с рукавами длиной с кроватиный столбик.

– Что ты там делаешь, детка? – вдруг строго спросила тетушка, когда мне казалось, что она обо мне и думать забыла. – Что это у тебя в руках?

– Это, мэм? – Я оборотилась, не выпуская камзола. –

рию Золушки; авторство сказки приписывали как самому Ньюбери, так и англо-ирландскому писателю Оливеру Голдсмиту (1728–1774).

Знать не знаю, мэм, что это такое.

Бледное тетино лицо раскраснелось, а глаза засверкали от злости, и я подумала, что, если бы нас не разделяло несколько шагов, она бы дала мне оплеуху. Но она только встряхнула меня за плечо, вырвала камзол у меня из рук, сказала: «Никогда не смей в этом доме трогать то, что тебе не принадлежит!», повесила камзол обратно на гвоздь, захлопнула дверцу и заперла ее на ключ.

Миссис Уайверн тем временем как ни в чем не бывало сидела в кресле и смеялась, всплескивая руками и слегка раскачиваясь, – как всегда, когда дурачилась.

У меня на глазах от обиды выступили слезы, и миссис Уайверн (которая тоже прослезилась, но от смеха) сделала знак тетке. «Ну-ну, девочка не хотела ничего дурного... иди ко мне, детка. Это всего-навсего тепа для недотепы; и не задавай лишних вопросов, чтобы нам не приходилось врать. Сядь-ка сюда и выпей кружку пива, а потом ступай в постель, ты устала с дороги».

Моя комната была наверху, по соседству со спальней старой леди, где стояли рядом кровати ее и миссис Уайверн, а я должна была откликаться на зов, если что-нибудь понадобится.

Старая леди в тот вечер была снова не в себе – еще с середины дня. На нее находил, бывало, сердитый стих. То, случалось, она не дает себя одеть, то раздеть. В былые дни, говорили, она была раскрасавицей. Но ни в Эпплуэйле, ни по-

близости некому было уже помнить пору ее расцвета. А наряжаться она любила до ужаса; толстых шелков, тугого атласа, бархата, кружев и прочего добра у нее хватило бы на семь лавок. Все ее платья были немодные и смешные, но стоили целое состояние.

Ну ладно, отправилась я в постель. Я долго лежала без сна, потому что все вокруг было мне в новинку; опять же и чай, сдается, разбудоражил меня с непривычки: раньше я пила его только по праздникам. В соседней комнате заговорила миссис Уайверн, и я поднесла ладошку к уху и стала прислушиваться, но голоса мадам Краул так и не различила – она, наверное, все время молчала.

Ухаживали за ней со всем старанием. Слуги в Эпплуэйле знали, что, когда она умрет, их всех до одного рассчитают, а работа здесь была немудреная и жалованье хорошее.

Доктор приходил к старой леди дважды в неделю, и, уж будьте уверены, что он велел, то слуги исполняли в точности. И каждый раз он повторял одно: нипочем ей не перечить, а, наоборот, ублажать и во всем потакать.

И вот она пролежала одетая всю ночь и следующий день и не пожелала рта раскрыть, а я с утра до вечера сидела за шитьем у себя в комнате, только спускалась пообедать.

Я не прочь была поглядеть на старую леди и даже послушать, что она скажет, но ничего не получилось; что она здесь, что где-нибудь в Ланноне¹⁹ – никакой разницы.

---

¹⁹ Ланнон – вымышленный топоним.

После обеда тетушка послала меня на часок прогуляться. Я была рада вернуться обратно: деревья росли вокруг такие большие, везде было темно и пусто, небо затянуло тучами, я ходила одна, вспоминала дом и лила слезы. В тот вечер я сидела при свечах у себя, дверь в комнату мадам Краул была открыта, и за старой леди присматривала моя тетушка. И тут я в первый раз услышала, как мне кажется, голос старой леди.

Это были какие-то диковинные звуки – уж не знаю, с чем их и сравнить, то ли с чириканьем, то ли с мычанием, – но очень тоненькие и тихие.

Я вовсю наострила слух. Но ни слова было не разобрать. И тетка моя ответила:

– Нечистый никому ничего не сделает, если только Господь не попустит.

Тогда тот же чудной голос из кровати произнес еще несколько слов – я не уразумела каких.

И тетушка опять ответила:

– Пусть себе строят рожи, мэм, и говорят, что им вздумается; если Господь Бог за нас, кто нас тронет?

Я слушала, вытянув шею и затаив дыхание, но больше ни слова и ни звука из спальни не донеслось. Прошло минут двадцать, я сидела за столом и рассматривала картинки в старых баснях Эзопа, и тут у входа что-то задвигалось; я подняла голову и увидела, что в дверь, делая знаки рукой, заглядывает тетушка.

– Тсс! – произнесла она чуть слышно, подошла на цыпочках и прошептала: – Слава Богу, она наконец заснула; сиди тихо, как мышка, я сойду вниз выпить чашку чаю и живо вернусь вместе с миссис Уайверн – она будет спать в комнате мадам, а ты, когда мы поднимемся, ступай бегом вниз, в мою комнату: Джудит принесет тебе туда ужин.

С этими словами она ушла.

Я, как прежде, смотрела книжку с картинками и временами прислушивалась, но не различала не то что шороха, но даже дыхания, и, чтобы было не так боязно одной в большой комнате, принялась шепотом разговаривать с картинками и сама с собой.

Под конец я поднялась и стала обходить комнату, все осматривать и заглядывать туда-сюда – вы ведь понимаете, мне нужно было чем-нибудь развлечься. А потом? Потом я сунула нос в спальню мадам Краул.

Это оказалась просторная комната; большущая кровать со столбиками была плотно завешена цветастым пологом, который спускался складками от самого потолка до пола. Там стояло зеркало – таких громадных я еще не видывала, – и все было залито светом. Я насчитала двадцать две восковые свечи, и все горели. Так уж ей взбрело в голову, а перечить мадам Краул никто не осмеливался.

У двери я прислушалась и осмотрелась, разинув рот. Когда же не уловила ни звука дыхания, ни шевеления занавесок, я набралась духу, вошла на цыпочках и снова посмотре-

лась. Потом я полюбовалась на себя в зеркало, и наконец мне пришла в голову мысль: «А почему бы не поглядеть на старую леди в постели?»

Если бы вы могли хоть немного себе представить, до чего мне хотелось увидеть госпожу Краул, вы бы решили, что я совсем сбрендила. И я подумала, что если не воспользуюсь случаем, то второго такого, может, не будет еще много дней.

Ну вот, мои хорошие, подошла я к постели, укрытой за пологом, и тут едва не струхнула. Но собралась с духом и просунула меж плотных занавесок сперва палец, а потом и руку. Я немного помедлила, но все было тихо, как в могиле. И я потихонечку сдвинула полог, а за ним и вправду оказалась та самая знаменитая госпожа Краул из Эпплуэйл-Хаус, вытянувшаяся, как раскрашенная леди с надгробия, которое я видела в церкви в Лексхо. Мадам Краул лежала наряженная и разукрашенная. Ничего подобного вы никогда не видели. Ну и картина это была, скажу я вам: атлас и шелка, алое и зеленое, золото и цветные кружева! На макушке – громадный пудренный парик, в половину ее роста, и – бог мой! – морщин-морщин... не пересчитать, безобразная шея вся набелена, щеки в румянах, мышинные брови (миссис Уайверн их подрисовывала); она лежала такая важная и застывшая, в шелковых чулках со стрелками, а каблуки у нее на туфлях были пальцев в девять, не меньше. Боже ты мой, нос у нее был тонкий и крючковатый, из-под век виднелись белки. Она, бывало, так вот нарядившись, взяв в руки веер и

засунув за корсаж букет, стояла перед зеркалом, хихикала и пускала слюни. Ее сморщенные ручки были вытянуты вдоль боков, и таких длинных заостренных ногтей я ни у кого не встречала. Мода, что ли, была когда-то у знати на такие ногти?

Думаю, от такого зрелища и вы бы порядком напугались. Я была не в силах ни выпустить полога, ни сдвинуться с места, ни оторвать от нее взгляда; у меня аж сердце перестало биться. И тут она открывает глаза, садится, поворачивается и со стуком ставит свои каблучищи на пол, а сама сверлит меня большими, словно бы стеклянными глазами, морщинистые губы зло усмеваются, и видны длинные фальшивые зубы.

Что там покойник – покойник дело обыкновенное, а вот страшнее этого мне ничего не доводилось видеть. Она указывала рукой прямо на меня, а спина у нее была круглая от старости. И мадам Краул говорит:

– Ах ты, чертенок! Ты почему сказала, что я убила этого мальчишку? Я защекочу тебя до смерти!

Тут бы мне развернуться и давай бог ноги, но я не могла отвести от нее глаз, и мне оставалось только пятиться как можно быстрее, а она наступала со стуком, как автомат, тянула пальцы к моему горлу и все время делала языком как будто «зизз-зизз-зизз».

Я все пятилась, торопясь изо всех сил, а ее пальцам оставалось до моего горла всего несколько дюймов, и мне каза-

лось, что тронь она меня – и я решусь ума.

Отступая, я забралась прямо в угол и завопила как резаная; в ту же минуту моя тетушка громко закричала в дверях, и старая леди обернулась к ней, а я, пробежав без остановки всю комнату, изо всех сил припустила вниз по задней лестнице.

Добравшись до комнаты экономки, я, само собой, залилась слезами. Миссис Уайверн смеялась до упаду, когда я рассказала ей, что произошло. Но, услышав слова старой леди, она переменяла тон.

– Повтори-ка снова, – попросила она.

И я повторила:

– «Ах ты, чертенок! Ты почему сказала, что я убила этого мальчишку? Я защекочу тебя до смерти!»»

– А ты говорила, что она убила мальчишку? – спрашивает миссис Уайверн.

– Нет, мэм, – отвечаю.

С тех пор, когда тетушка и миссис Уайверн обе отлучались, со мной наверху всегда сидела Джудит. Я бы лучше выпрыгнула в окошко, чем осталась одна с мадам Краул.

Спустя неделю (если я правильно припоминаю), когда мы с миссис Уайверн были вдвоем, она рассказала мне кое-что новое о мадам Краул.

Когда та была молода и очень красива (полных семь десятков лет назад), она вышла замуж за сквайра Краула из Эпплуэйла. Мистер Краул был вдовец с девятилетним сыном.

Как-то утром мальчик исчез, и ни слуху о нем, ни духу. Куда он ушел, никому было невдомек. Ему давали чересчур много воли, и он, бывало, то отправится завтракать к леснику в сторожку, а потом к кроличьим садкам и домой не показывается до вечера, то весь день пробудет на озере, купается, ловит рыбу и катается на лодке. И вот никто знать не знал, что с ним приключилось, только у озера, под кустом боярышника (который до сих пор там растет), нашли его шляпу, и все решили, что мальчуган утонул во время купания. И все имение досталось по наследству ребенку от второго брака – сыну этой самой мадам Краул, которая жила и жила уже целую вечность. А когда я стала служить в Эпплуэйле, хозяином уже был его сын, внук старой леди, сквайр Чивни Краул.

Давно, когда еще тети моей здесь не было, в народе ходили всякие толки; люди говаривали, будто мачеха кое-что знает, но помалкивает. И еще, что она опутала своего мужа, старого сквайра, чарами и льстивыми речами. А мальчика больше никто не встречал, и со временем все о нем позабыли.

Сейчас я собираюсь рассказать о том, что видела собственными глазами.

Со дня моего приезда прошло меньше полугода, была зима, и у старой леди началась хворь, которая свела ее в могилу.

Доктор боялся, что у нее будет припадок бешенства, как пятнадцать лет назад, когда на нее пришлось много раз на-

девать смирительную рубашку, – это был тот самый кожаный камзол, который я нашла в стенном шкафу в тетиной комнате.

Однако этого не случилось. Она чахла, сохла, слабела и хандрила, этак потихоньку, но за день или два до конца все переменилось: она стала вести себя беспокойно, и порой как закричит, словно бы разбойник приставил ей нож к горлу, и выберется из кровати; сил, чтобы идти или стоять, у нее не было, и она свалится на пол, прикроет лицо своими сморщенными руками и истошным голосом молит о пощаде.

Я, само собой, в комнату к ней не ходила, а заберусь, бывало, в свою постель и дрожу от страха, пока мадам Краул вопит, ползает по полу на коленях и выкрикивает слова, от каких уши вянут.

Моя тетушка, и миссис Уайверн, и Джудит Сквейлз, и одна женщина из Лексхо не отходили от нее ни на шаг. Под конец у мадам Краул сделались судороги, которые ее и доконали.

Его преподобие пастор читал у постели молитвы, но мадам Краул с ним не молилась. По мне, иного и ожидать не стоило, и все же хорошего в этом было мало, и вот наконец она отошла, и все осталось позади; старую госпожу Краул обрядили в саван и уложили в гроб, а сквайру Чивни отправили письмо. Но он был в отлучке во Франции, ждать его надо было долго, и его преподобие с доктором решили, что откладывать похороны больше не годится, и, кроме них двоих,

моей тетушки и всех нас, прочих слуг из Эпплуэйла, на похороны никто и не явился. Старую леди из Эпплуэйла положили в склеп под церковью в Лексхо, а мы продолжали жить в большом доме, пока не придет сквайр, не распорядится насчет нас и не даст, кому пожелает, расчета.

Мне отвели другую комнату; между нею и спальней госпожи Краул было еще две двери, а это дело приключилось в ночь перед прибытием в Эпплуэйл сквайра Чивни.

Моя новая комната была большая, квадратная, обшитая дубовыми панелями, но мебели в ней не было, кроме кровати без полога, стула и стола, так что комната выглядела совсем пустой. А большое зеркало, в котором старая леди любовалась собой с головы до пят, ставшее теперь ненужным, вынесли и прислонили к стене в моей нынешней комнате, потому что, когда старую леди укладывали в гроб – оно и понятно, – многие вещи в спальне пришлось сдвинуть с мест.

В тот день донеслась весть, что сквайр на следующее утро будет в Эпплуэйле; я ничего против не имела, я ведь ждала, что меня, как пить дать, отправят обратно домой, к матушке. И я была рада-радешенька и думала о доме и сестре Джэнет, о киске, поросенке и дворняге Триммере и обо всех остальных и так разволновалась, что не могла заснуть. Пробило полночь, а я не спала, и в комнате была темень хоть глаз выколи. Я лежала спиной к двери, лицом к противоположной стене.

Ну вот, не минуло и четверти часа после полуночи, как

стена передо мною осветилась словно бы отблеском пожара и вверх-вниз по балкам и дубовым панелям заплясали тени от кровати, и стула, и моего платья, которое висело на стене; я быстро оглянулась через плечо – посмотреть, что горит.

И что же – Господи помилуй! – я увидела? Вылитую хозяйку. Старая покойница была выряжена в атлас и бархат, ненатурально улыбалась, глаза как плошки, а рожа – ни дать ни взять сам дьявол. От ног ее кверху подымалось красное пламя, словно у нее загорелся подол. Она ступала прямо ко мне, согнув свои старые, сморщенные руки, будто собиралась вонзить в меня когти. Я не могла пошевелинуться, но она прошла мимо, а меня обдало холодным воздухом; я увидела, как она остановилась у стены в алькове (так моя тетушка называла нишу, где в старые времена стояла парадная кровать) около открытой дверцы и начала там что-то ощупью искать. Я и не знала раньше об этой двери. Старуха развернулась ко мне всем телом, как флюгер, и ухмыльнулась; тут же в комнате сделалось темно, и оказалось, что я стою у дальнего конца постели – сама не знаю, как я там очутилась; ко мне наконец вернулась речь, и я завопила во всю мочь, пустилась бегом по галерее и напугала миссис Уайверн до полусмерти, чуть не сорвав с петель дверь ее спальни.

Само собой, в ту ночь я не сомкнула глаз, а едва рассвело, со всех ног побежала вниз, к тете.

Я думала, тетушка станет ругать меня или вышучивать, но нет: она все время сжимала мою руку и пристально глядела

мне в лицо, а потом сказала, чтобы я не боялась, и спросила:

– А не было у призрака в руках ключа?

– Был, – ответила я, припомнив, – такой большой, с чудной медной ручкой.

– Погоди минутку. – Тетушка выпустила мою руку и открыла буфет. – Вроде этого?

Бросив на меня странный взгляд, она вынула и показала мне один из ключей.

– Он самый, – выпалила я тут же.

– Ты уверена? – спросила тетушка, вертя ключ.

– Да.

Увидев ключ, я почувствовала, что вот-вот упаду замертво.

– Ну хорошо, детка, – сказала тетушка задумчиво, положила ключ на место и заперла комод. – Сегодня до полудня сюда прибудет сам сквайр, и ты должна будешь ему все это рассказать. Я, наверное, скоро возьму расчет, и поэтому тебе лучше сегодня же уехать домой, а я подыщу тебе другое место, как только смогу.

Такие слова, само собой, пришлись мне как нельзя больше по сердцу.

Тетушка упаковала мои вещи и три фунта жалованья, чтобы я отвезла их домой, и в тот же день в Эпплуэйл приехал сквайр Краул – красивый мужчина лет тридцати. Я с ним виделась уже во второй раз, но разговаривала в первый.

Они переговорили с тетушкой в комнате экономки – о

чем, не знаю. Я немного робела, потому что сквайр считался в Лексхо большим человеком, и не подходила, покуда меня не позвали. И сквайр с улыбкой сказал:

– Что это там тебе привиделось, малышка? Это, наверное, был сон; ты ведь знаешь – духов, домовых и других таких вещей на свете не бывает. Но, так или иначе, все же сядь, милая, и расскажи все с начала и до конца.

Когда я выложила все, он ненадолго задумался и говорит тетушке:

– Эту комнату я довольно хорошо помню. Во времена старого сэра Оливера хромой Уиндел говорил мне, что в нише слева есть дверь – именно в том углу, где, как приснилось девочке, рылась моя бабушка. Ему перевалило уже за восемьдесят, когда он мне об этом рассказывал, а я был ребенком. Двадцать лет минуло с тех пор. Там давным-давно хранили столовое серебро и фамильные драгоценности, пока не устроили сейф в комнате с гобеленами; по словам Уиндела, у ключа была медная ручка, а вы говорите, что нашли такой же ключ на дне сундука, где бабушка держала свои старые веера. Правда, будет забавно, если мы найдем в нише забытые ложки или бриллианты? Пойдем-ка наверх, моя милая, покажешь нам это место.

Стоило мне переступить порог жуткой комнаты, душа моя ушла в пятки, и я крепко схватилась за тетину руку; я показала им обоим, как старая леди прошла мимо меня, и где она остановилась, и где мне привиделась открытая дверца.

У стены стоял старый пустой шкаф, а когда его отодвинули, на стенной панели и в самом деле нашлись следы дверцы; ее замочную скважину когда-то забили деревом и сровняли рубанком, а щели заделали замазкой под цвет дуба, и, если бы не торчавшие немного дверные петли, никто бы не догадался, что за шкафом была дверь.

– Ага! – сказал сквайр с чудной улыбкой. – Похоже, это оно.

За считанные минуты из замочной скважины маленьким долотом и молотком выбили затычку. Ключ, и верно, подошел; со странным поворотом и протяжным скрипом язык замка сдвинулся, и сквайр распахнул дверцу.

Внутри была другая дверца, еще диковинней первой, но без запора, и открылась она совсем легко. За ней мы увидели узкий просвет, отделанный кирпичом, с кирпичным полом и сводом; было ли там что-нибудь, мы не разглядели из-за темноты.

Тетушка зажгла свечу и подала сквайру, и тот ступил внутрь.

Тетя, стоя на цыпочках, заглядывала ему через плечо, а мне совсем ничего не было видно.

– Ха-ха! – произнес сквайр, отпрянув. – Что это? Дайте-ка мне кочергу... живо! – велел он тете.

Когда она пошла к очагу, я заглянула под руку сквайру и увидела в дальнем конце дыры то ли обезьяну, то ли чучело, сидящее на сундуке, а может, старуху – самую что ни на есть

сморщенную и высохшую.

– Бог мой! – вскрикнула тетушка, когда, вложив сквайру в руку кочергу, посмотрела через его плечо и заметила эту жуть. – Осторожно, сэръ, что же вы делаете? Отойдите и закройте дверь!

Но вместо этого сквайр тихонечко шагнул вперед, нацелив кочергу, как меч, и ткнул чучело; оно, свалившись, рассыпалось, и осталась только кучка костей и трухи, которая почти вся бы уместилась в шляпу.

Это были детские кости, а все остальное от толчка обратилось в прах. Некоторое время сквайр с тетушкой молчали, а сквайр перевернул череп, лежавший на полу.

Я хоть и была ребенком, но все же знала в точности, о чем они думают.

– Дохлая кошка! – сказал сквайр, выходя и задувая свечу, и захлопнул дверцу. – Мы с вами, миссис Шаттерз, пойдем назад и пороемся потом на полках. Прежде всего мне нужно обсудить с вами кое-что другое, а эта девчушка пусть, как вы сказали, отправляется домой. Жалованье она получила, а еще я должен сделать ей подарок, – сказал он, похлопывая меня по плечу.

И он дал мне целый фунт, а через час я поехала в Лексхо, а оттуда – почтовой каретой домой и не могла нарадоваться, что вернулась; и – слава Тебе, Господи, – дух мадам Краул ни разу с тех пор не являлся мне ни наяву, ни во сне. Но когда я стала взрослой, моя тетушка как-то провела сутки

у меня в Литтлхэме²⁰; она рассказала, что, конечно же, это был маленький мальчик, которого так давно искали; мерзкая старая ведьма заперла его и бросила умирать в темной дыре, где никто не слышал его криков, мольбы и стука, а его шляпу кинула у воды, чтобы люди подумали, будто он утонул. Платье мальчика от первого же касания рассыпалось в пыль в той самой дыре, где нашли кости. Но зато осталась пригоршня гагатовых пуговиц и нож с зеленой рукояткой, а еще две монетки по пенни, которые, наверное, лежали в карманах у бедного мальчугана, когда он попался в ловушку и в последний раз видел свет. А среди бумаг сквайра нашлось объявление, которое напечатали, когда мальчик пропал, – старый сквайр думал, что он, быть может, убежал или его украли цыгане; там упоминались среди примет нож с зеленой рукояткой и пуговицы из гагата. Вот и все, что я хотела рассказать про старую госпожу Краул из Эпплуэйл-Хаус.

---

²⁰ *Литтлхэм* – Два населенных пункта с таким названием существуют на юго-западе Англии, в графстве Девон, но, как представляется, они нерелевантны для рассказа, действие которого разворачивается в Ирландии.

Сэйбин Бэринг-Гулд

Тетка Джоанна

Есть в Лендс-Эндском округе²¹ небольшое село Зеннор. Да и не село это вовсе, а разбросаны там-сям фермы, да кое-где жмутся в кучу хибары. Края эти суровые, слой почвы всего ничего, а в тех местах, где дуют с океана жестокие ветра, наружу проступает голый гранит. Если и росли здесь когда-то деревья, то их сдуло напрочь бешеными порывами; а вот золотой утесник ветра не боится, его царственной мантией окутана вся пустошь, и еще косогоры покрывает вереск, в конце лета сплошь розовый, а зимой бурый – ни дать ни взять мягкий, теплый полог из меха.

В Зенноре стоит церквушка из гранита, самой простой и грубой постройки, согнулась в три погибели, прячась от ветра, однако же с башней, которой и ветра, и ливни нипочем, а все потому, что на ней нет ни одной резной фигуры – зацепиться не за что. В Зеннорском приходе имеется и кромлех²², из самых красивых в Корнуолле²³; это громадная плита

---

²¹ ...в Лендс-Эндском округе... – Лендс-Энд – мыс на юго-западной оконечности полуострова *Корнуолл*, крайняя юго-западная точка острова Великобритании.

²² *Кромлех* — древнее сооружение (как правило, эпохи позднего неолита или

из необработанного камня, вроде стола, ножками ему служат стоячие камни, такие же грубые.

Близ этого памятника седой и поистине неведомой древности, в одноэтажном домике из камней с пустоши (сложенных прямо на земле и скрепленных известью), жила одна-одинешенька старая женщина. Над вересковой крышей торчала лишь одна коротенькая труба, над ней был устроен двускатный навес, чтобы ветер с запада или с востока не задувал дым обратно в дымоход. При северном или южном ветре дыму приходилось самому о себе заботиться. Обычно он находил себе дорогу через дверь, в трубу вылетала лишь малая доля.

Топливо было одно – торф; не в твердых черных брикетах с глубинных слоев болота, а подкопанный лопатой с поверхности, весь в корнях. Горит он ярче, чем брикеты, но тепла дает меньше и прогорает в два раза быстрее.

Старушку, что жила в домике, окрестный люд звал теткой Джоанной. Фамилию ее мало кто помнил, да и сама Джоанна о ней не больно-то вспоминала. Родни у нее не было, од-

---

раннего бронзового века), представляющее собой несколько вертикально врытых в землю продолговатых камней (менгиров), образующих одну или несколько концентрических окружностей; в англоязычной традиции их нередко называют каменными кругами. Их предположительное назначение – ритуальное ограждение священного пространства, своего рода храма под открытым небом.

²³ *Корнуолл* — полуостров и графство на юго-западе Великобритании, коренное население которого, несмотря на многовековую насильственную англизацию, сохранило свою этническую самобытность и культурную связь с кельтским прошлым.

на лишь внучатая племянница – муж ее держал небольшую колесную мастерскую у церковной ограды. Но тетка с племянницей были в ссоре и не разговаривали друг с дружкой. Девушка как-то ослушалась тетку – пошла в Сент-Айвз²⁴ на танцы, и та смертельно на нее озлилась. На тех танцах она и познакомилась с колесным мастером, а свадьба их состоялась оттого, что тетка круто с племянницей обошлась. Тетка Джоанна была из уэслианских методистов²⁵, очень правоверная, о суетных развлечениях, танцах там или лицедействе, и слышать не хотела. Что до лицедейства, то его в глуши западного Корнуолла и не водилось; ни одна бродячая труппа ни разу не навевывалась в окрестности Зеннора искушать добрых христиан. Но танцы, хоть и почитались грехом, все же влекли к себе вольнолюбивые души. Роуз Пеналуна жила со своей теткой, точнее, двоюродной бабкой, с тех пор как лишилась матери. Девица она была резвая, и когда прослышала про танцы в Сент-Айвзе, да еще и получила приглашение,

---

²⁴ *Сент-Айвз* – прибрежный городок (в прошлом рыбацкая деревня) в Корнуолле.

²⁵ *...из уэслианских методистов...* – Методизм – возникшее в Англии в 1730-е гг. в рамках Англиканской церкви и позднее (1795) отделившееся от нее (и противопоставившее себя ей) протестантское религиозное движение, основателями и идеологами которого были оксфордские проповедники Джон Уэсли (1703–1791) и Джордж Уайтфилд (1714–1770). Название продиктовано стремлением членов движения методично следовать предписаниям христианской веры, что определяет соответствующий круг добродетелей: строгое соблюдение внешнего благочестия, регламентация частной жизни, проповедь религиозного смирения, терпения, умеренности.

то плюнула на теткин запрет, к вечеру выбралась украдкой на улицу – и напрямиком в Сент-Айвз.

Хвалить ее не за что, это уж точно. Но тетка Джоанна повела себя совсем уж непохвально: когда заметила, что племянницы нет дома, закрыла дверь на засов и обратно девушку не впустила. Пришлось бедняжке приютиться на ночь в сарае на соседней ферме, а наутро она подалась к сент-айвзской знакомой и попросилась пожить у нее, покуда не поступит в услужение. Но пойти в служанки ей так и не пришлось: лишь только Эйбрахам Хекст, плотник, услышал, что с ней случилось, он сразу предложил ей пойти под венец, и, месяца не прошло, они сделались мужем и женой. С тех пор старуха с племянницей не разговаривали. Роуз знала, что Джоанна считает себя правой и ни в какую не хочет мириться.

Ближайшая от тетки Джоанны ферма принадлежала Хокинам. И вот однажды Элизабет, жена фермера, идет с рынка мимо дома тетки Джоанны и видит соседку: уж такая она сделалась согнутая, еле живая, что Элизабет остановилась – словом перемолвиться и дать дельный совет.

– Послушайте, тетушка, вы с годами не молодеете, и ревматизмом вас глянь как скрючило. Легко ли справляться в одиночку? А что, если, неровен час, вас ночью прихватит? Надо бы какую-никакую девчоночку держать в доме, чтобы за вами приглядывала.

– Слава тебе господи, никто мне не нужен.

– Сейчас, может, и не нужен, тетушка, а вдруг что с вами случится? Опять же, ходить за торфом в плохую погоду вам невмочь, да и за припасами – чаем, сахаром, молоком – тоже не под силу. Самое то взять в дом девчоночку.

– Кого же? – спрашивает Джоанна.

– Ну, самое бы лучшее – это малютку Мэри, старшую дочку Роуз Хекст. Она и проворная, и смышленная, и поговорить с ней в радость.

– Нет уж, – отвечает старуха. – Не нужно мне этих Хекстов. Ведомо мне, на них печать гнева Божия, на Роуз и всех остальных. Не нужно мне их.

– Но, тетушка, вам ведь скоро десятый десяток пойдет.

– Уже пошел. Но что с того? Жила же Сара, жена Авраама, сто двадцать семь лет, даром что муж досаждал ей с этой наглай девкой Агарью²⁶? Да если бы не Авраам с Агарью, она б небось до всех ста пятидесяти семи дожила. А я, слава тебе господи, под венец не ходила, и кровь мне никто не портил. Не вижу, почему бы мне не сравняться годами с Сарой.

Входит в дом и хлоп за собой дверь.

Целую неделю после этого миссис Хокин не встречала со-

---

²⁶ Жила же Сара, жена Авраама, сто двадцать семь лет, даром что муж досаждал ей с этой наглай девкой Агарью? – По ветхозаветному преданию, Сара, жена библейского патриарха Авраама, много лет оставаясь бесплодной, сама предложила мужу в наложницы свою служанку, рабыню-египтянку Агарь, которая родила ему сына Измаила. Когда родившийся чудесным образом и много позднее Исаак, сын Авраама и Сары, стал подрастать, Агарь вместе с Измаилом по настоянию Сары были изгнаны из дома Авраама в пустыню. Согласно Библии, Сара умерла в возрасте 127 лет. См.: Быт., 16: 1 – 17: 21; 21: 1–14; 23: 1.

седку. Ходила мимо домика, но Джоанна не показывалась. Дверь, в противность обычному, была закрыта. Элизабет рассказала об этом мужу.

– Джейбес, – говорит, – не нравится мне это. Высматриваю и высматриваю тетушку Джоанну, а ее нет как нет. Не случилось ли чего? По мне, так наш долг – пойти и проверить.

– Что ж, – соглашается фермер, – думаю, дел у меня сейчас никаких нет, почему бы и не сходить.

И они вдвоем отправились к домику Джоанны. Дым из трубы не шел, дверь была затворена. Джейбес постучал, но никто не отозвался; он входит, жена – за ним.

Комнат внутри было только две: кухня и рядом с ней спальня. Очаг стоял холодный.

– Что-то тут неладно, – говорит миссис Хокин.

– Думаю, старая леди нездорова, – отвечает муж и распахивает дверь спальни. – Все верно, так оно и есть: вот она лежит, и жизни в ней не больше, чем в сушеной треске.

А умерла тетушка Джоанна в ночь после того самого разговора, когда она твердо вознамерилась дожить до ста двадцати семи годов.

– И что же теперь делать? – спросила миссис Хокин.

– Думаю, лучше нам будет посмотреть, что есть в доме, а то как набежит ворье да как пораскредет все до последнего гвоздя.

– У кого ж рука подыметя?.. – возражает миссис Хокин. –

Да еще при покойнике в доме.

– Я бы за это не поручился, в наши-то времена, – говорит ее муж. – И знаешь, по мне, так не будет большой беды, если мы взглянем одним глазком, что у старушки есть из запасов.

– Ну да, точно, – согласилась Элизабет, – какая в том беда.

В спальне стоял старый дубовый сундук, туда фермер с женой и сунулись. А там – ну и ну! – лежат серебряный чайник и полдюжины серебряных ложек.

– Каково! – воскликнула Элизабет Хокин. – У нее серебро, а у меня один только британский металл²⁷.

– Небось из зажиточной семьи происходила. Помнится, кто-то говорил, у нее когда-то водились денежки.

– Смотри-ка. Внизу лежит тонкое белье, простыни и наволочки, да какое нарядное!

– Да ты сюда смотри, сюда, – закричал Джейбес, – в чайнике-то монеты, по самый верх набито! Вот черт, откуда ей столько привалило?

– Не иначе как от приезжих из Сент-Айвза и Пензанса²⁸ – она им, бывало, показывала Зеннорский кромлех и порядочно подзарабатывала на этом.

– Боже праведный, – вырвалось у Джейбеса, – был бы я наследник, купил бы корову; мне без еще одной коровы про-

---

²⁷ *Британский металл* (британий) – сплав олова и сурьмы, часто с примесями меди и цинка, по виду напоминающий серебро; вошел в употребление в Великобритании (отсюда его название) с середины XIX в.

²⁸ *Пензанс* — портовый город на юго-западе Корнуолла, на западном берегу залива Маунтс.

сто зарез.

– Да, без коровы нам зарез, – согласилась Элизабет. – Но глянь на постель: в сундуке такое отличное белье, а здесь одна рвань.

– И кому же достанется серебряный чайник с ложками и деньги, хотел бы я знать.

– Родни у нее не было, одна Роуз Хекст, а ее покойница не жаловала, в последний раз сказала мне: не желаю иметь ничего общего с этими Хекстами, ни с ними, ни с их собственниками.

– Это были ее последние слова?

– Самые что ни на есть последние – больше она ни со мной, ни с кем другим не разговаривала.

– Раз так, то вот что я тебе скажу, Элизабет: наш святой долг – позаботиться о том, чтобы свершилась воля тетки Джоанны. Слово покойницы – закон. Она яснее ясного объявила, чего хочет, и нам, как честным людям, надлежит выполнить ее завет: присмотреть, чтобы безбожным Хекстам ничего не досталось из ее добра.

– Кому ж тогда оно должно отойти?

– Что ж... давай рассудим. Первей всего надобно унести усопшую и устроить приличные похороны. Хексты – люди бедные, им это не по карману. Сдается мне, Элизабет, мы поступим как добрые христиане, если возьмем все хлопоты и расходы на себя. Как-никак мы ее ближайшие соседи.

– Ага... и ведь последние десять или двенадцать лет я

снабжала ее молоком и ни пенни не взяла в уплату, думала, у тетки Джоанны ничегошеньки нет за душой. А у нее имелся запасец, только она его зажимала. Не очень-то это честно, и, по мне, часть ее наследства должна бы пойти в счет долга за молоко. Да и на масло я тоже никогда не скупилась.

– Хорошо, Элизабет. Для начала нам следует прибрать к себе серебряный чайник и ложки, а то как бы с ними чего не случилось.

– А я унесу полотняные простыни и наволочки. Никак не возьму в толк, чего было держать их в сундуке, а постель застилать рваньем?

Узнав, что Хокины взяли на себя расходы по погребению, все жители Зеннора дружно объявили, что свет не видал других таких добрых и щедрых соседей.

На ферму явилась миссис Хекст – сказать, что желает, в меру возможности, позаботиться обо всем сама, но миссис Хокин ей ответила:

– Роуз, голубушка, не беспокойся. Я виделась с твоей те-тушкой, когда она болела и уже дышала на ладан; она взяла с меня обещание, что хоронить ее будем мы с мужем, ни о каких Хекстах она и слушать не желала.

Роуз вздохнула и отправилась восвояси.

Ей и в голову не приходило рассчитывать на какое-нибудь наследство от тетки. Ни разу та не дозволила ей взглянуть на сокровища в дубовом сундуке. Роуз знала одно: тетка Джоанна бедна как церковная мышь. Но, помня, как старушка

прежде о ней заботилась, Роуз была готова простить ей дурное обращение. Она не единожды делала заходы к тетке, чтобы помириться, но получала от ворот поворот. Поэтому Роуз ничуть не удивилась, узнав от миссис Хокин о последних словах старухи.

И все же отвергнутая, лишенная наследства Роуз с мужем и детьми облачилась в траур и присутствовала на погребении как самая близкая родня покойной. Случилось так, что, когда пришла пора обряжать покойницу, миссис Хокин вынула из дубового сундука красивые полотняные простыни — сделать для усопшей саван. Но тут она сказала себе: что за досада разроznивать комплект, да и когда еще попадет в руки такое добротное и красивое белье из старых времен? И она отложила в сторону нарядные простыни и взяла на саван одну из тех, которые тетка Джоанна застилала обычно: чистую, но грубую и обтрепанную. В самый раз сойдет, чтобы гнить в могиле. Не греховная ли это расточительность — отдать на потребу червям прекрасное белое белье из запасов тетки Джоанны? Во всем остальном похороны прошли по первому разряду. Усопшую положили в вязовый гроб — не в какой-нибудь простецкий сосновый, для бедняков; на крышке красовался нарядный герб из баббита²⁹.

К тому же рекой лился джин, на столе стояли лепешки и сыр, и за все это заплатили Хокины. Меж гостей, что ели,

---

²⁹ *Баббит* — сплав на основе олова, с добавлением меди, свинца, сурьмы и других компонентов.

пили и утирали глаза, разговор велся больше не о добродетелях покойной, а о щедрости ее соседей.

Мистер и миссис Хокин слушали и упивались. Ничто так не ублажает душу, как сознание, что твои заслуги оценены по достоинству. Джейбес вполголоса хвастался одному из соседей, что не пожалел денег: на могиле установят красивый камень с резной надписью, по два пенса за букву. Имя тетушки Джоанны, дата кончины, возраст, две строчки из ее любимого гимна – о том, что истинная обитель человека не земля, а небеса.

Не часто Элизабет Хокин проливала слезы, но тут всплакнула, вспоминая умершую и радуясь тому, как оценили односельчане их с мужем старания. Но вот короткий зимний день подошел к концу, участники похорон, подкрепившись едой и питьем, разошлись с миром, и Хокины остались вдвоем.

– Замечательный был день, – промолвил Джейбес.

– Да, – подхватила Элизабет, – народу пришло видимо-невидимо.

– После этих похорон соседи нас страх как зауважали.

– Хотела бы я посмотреть на того, кто, как мы, не поскупился бы для бедной безродной старухи. Учти к тому же, что она за десять – двенадцать лет задолжала мне кучу денег за молоко и масло.

– Ну ладно, я всегда знал, что награда добродетели в ней

самой³⁰. Вот уж не в бровь, а в глаз сказано. Чувствую, она сидит у меня внутри.

– Это, наверное, джин, Джейбес.

– Нет, это добродетель. Греет так, что куда там джину. Джин вроде тлеющих угольков, а чистая совесть – вроде доброго пламени.

Ферма у Хокинов была маленькая, и глава семьи сам смотрел за скотом. Из наемных работников держали только служанку, мужчин не было никого. Спать все ложились рано: ни Хокин, ни его жена не были охочи до чтения, никто не стал бы жечь масло по ночам за книгой.

Среди ночи (в котором часу, она сама не знала) миссис Хокин внезапно просыпается и видит: муж ее сидит в постели и прислушивается. Светила луна, на небе не виднелось ни облачка. Вся комната была наполнена серебристым сиянием. И различает Элизабет Хокин шаги – в кухне, прямо под спальней.

– Там кто-то есть, – шепнула она, – сходи вниз, Джейбес.

– Ума не приложу, кто это может быть. Салли?

– Какая Салли? Чтобы спуститься вниз, ей нужно пройти

---

³⁰ ...награда добродетели в ней самой. – Крылатое выражение, восходящее к античной эпохе; встречается, в частности, в «Письмах с Понта» (13–17 н. э.; кн. II, письмо 3, ст. 12: «... добродетель сама служит наградой себе». – Перев. М. Гаспарова) римского поэта Публия Овидия Назона (43 до н. э. – 18 н. э.) и в трактате «О блаженной жизни» (ок. 59; гл. 9, § 4: «Тебя интересуешь, что я хочу извлечь из добродетели? Ее саму. Да у нее и нет ничего лучшего, она сама себе награда». – Перев. Т. Бородай) римского философа и драматурга Луция Аннея Сенеки (4 до н. э. – 65 н. э.).

через нашу спальню.

– Сбегай, Элизабет, посмотри.

– Дом твой, тебе и идти, Джейбес.

– А если там женщина, а я в ночной рубашке?

– А если, Джейбес, там мужчина, грабитель, а я в ночной рубашке? Сраму не оберешься.

– Наверное, лучше нам вместе спуститься.

– Хорошо... только бы это не...

– Что?

Миссис Хокин промолчала. Муж с женой выбрались из постели и на цыпочках сошли по лестнице.

Лестница была взята в коробку из досок, но внизу не имела перегородки и вела прямо в кухню.

Хокины спускались тихонько и осторожно, цепляясь друг за дружку, а у подножия лестницы боязливо заглянули в комнату (это была одновременно кухня, гостиная и столовая). В широкое низкое окно лился лунный свет.

В свете виднелся человек. Ошибки быть не могло: перед ними стояла тетка Джоанна, завернутая в саван из обтрепанной простыни, что выделила ей Элизабет Хокин. Вынув из комода и расстелив на столе одну из своих нарядных полотняных простыней, старуха разглаживала ее костлявыми руками.

Хокинов бросило в дрожь, но не от холода (хотя дело происходило среди зимы), а от страха. Выступить вперед у них не хватало духу, убежать тоже.

Меж тем тетка Джоанна сходила к буфету и возвратилась с серебряными ложками; положила все шесть на простыню и худыми пальцами стала пересчитывать.

Она обернулась к следившим за ней супругам, но на лицо падала тень, и ни черт, ни выражения было не разобрать.

Опять она сходила к буфету, принесла серебряный чайник и остановилась в конце стола. Лунный свет, отразившись от простыни, падал старухе в лицо, и супруги разглядели, что она шевелит губами, но только без звука.

Сунув руку в чайник, тетка Джоанна одну за другой вынимала монеты и пускала каждую катиться по столу. Хокины видели блеск металла, даже тень от монет, пока они катились. Первая монета остановилась в дальнем левом углу стола, вторая – рядом с нею; прокатившись, монеты легли по порядку, десятков в ряд. Следующий десяток улегся на белой скатерти в соседний ряд, за ним выстроился третий. И все это время покойница шевелила губами, будто считая, но по-прежнему беззвучно.

Муж с женой застыли на месте и смотрели, но вдруг по луне пробежало облако, свет померк.

Смертельно напуганные, Хокины припустили вверх по лестнице, задвинули засов и забились в кровать.

В ту ночь они так и не заснули. В темноте ли, когда набегали облака, или при лунном свете, когда прояснилось, им слышались шуршание (монета катится) и звон (монета падает). Сколько же их там, без числа? Да нет, не без числа,

вот только тетка Джоанна, похоже, не знала устали, их пересчитывая. Когда все монеты были разложены, она перешла к другому концу стола и вновь начала их раскатывать (об этом супруги догадались по звуку).

Шум стих перед самым рассветом, потом в дальней спальне зашевелилась Салли, и только тут Хокин с женой осмелились встать. Нужно было прежде служанки спуститься в кухню и посмотреть, что там делается. На столе было пусто, монеты вернулись в чайник, и он, вместе с ложками, – на прежнее место. К тому же простыня, аккуратно сложенная, находилась там же, где и накануне.

В доме Хокины поостереглись говорить о том, что случилось ночью, но когда Джейбес работал в поле, к нему присоединилась Элизабет.

– Что, муженек, как насчет тетки Джоанны?

– Не знаю... может, это был сон.

– Чудно, один сон на двоих.

– Не знаю, нас ведь сморило от джина. Джин тот же самый, вот и сны приснились одинаковые.

– По мне, на сон это не больно походило, скорее на явь.

– Считай, это был сон. Может, он не повторится.

Но на следующую ночь они слышали тот же шум. Луна пряталась за густыми облаками, и ни один из супругов не отважился спуститься в кухню. Но шарканье ног, шуршание и звон монет – все это повторилось. Всю ночь муж с женой не смыкали глаз.

– Что нам делать? – спросила на следующее утро Элизабет Хокин. – Нельзя же, чтобы в доме ночь за ночью орудовала покойница. Что, если ей вздумается подняться наверх и вытянуть из-под нас простыни? Мы взяли ее белье, она возьмет наше, – почему бы и нет?

– Думаю, – вздохнул Джейбес, – мы должны его вернуть.

– Да, но как?

Все обсудив, супруги решили, что нужно ночью отнести вещи покойницы на кладбище и сложить на могиле.

– Поступим вот как, – сказал Хокин, – пока суд да дело, подождем в церкви на паперти. Если вещи к утру останутся на месте, можно будет с чистой совестью взять их обратно. Как-никак погребение встало нам в копеечку.

– Сколько мы всего потратили?

– По моему расчету, три фунта, пять шиллингов и четыре пенса.

– Ладно, – сказала Элизабет, – надо попытаться.

Когда сгустились сумерки, фермер с женой, прихватив полотняные простыни, чайник и серебряные ложки, потихоньку выбрались на улицу. Они не решались выйти за порог, пока не разошлись по домам односельчане и не улеглась спать служанка Салли.

Супруги заперли за собой дверь фермерского дома. Ночь выдалась темная, ненастная, по небу неслись облака, и когда они смыкались, не оставляя просвета, на дворе не видно было ни зги.

Супруги робко жаллись друг к другу, оглядывались; у кладбищенских ворот они помедлили, прежде чем собраться с духом и войти. Джейбес запасся бутылочкой джина – подбадривать себя и жену.

Вместе они водрузили на свежую могилу все хозяйство тетки Джоанны, но налетевший ветер тут же подхватил и развернул простыни, так что их пришлось прижать по углам камнями. Хокины, дрожа от страха, отступили на паперть церкви. Джейбес откупорил пробку, сделал основательный глоток и передал бутылку жене.

С небес обрушился дождь, ветер с Атлантики запричитал меж надгробий, пронзительно завыл в зубцах башни, в проемах колокольни. В ночном мраке, за завесой дождя супруги хорошие полчаса ничего не видели. Потом облака расплозились на ключья, над кладбищем показалась мертвенно-бледная луна.

Ухватив мужа за рукав, Элизабет указала пальцем на могилу. Но он и без того уже глядел во все глаза.

И видят супруги: высовывается из могилы костлявая рука, хватает одну из нарядных простыней и тянет. Утянула угол, а вот и всю простыню словно засосало водоворотом; складка за складкой скрывается она под землей.

– На саван взяла, – шепнула Элизабет. – Что, интересно, сделает со всем остальным?

– Хлебни-ка джину, жуть-то какая.

И супруги вновь присосались к бутылке, после чего она

изрядно полегчала.

– Смотри! – выдохнула Элизабет.

И снова на поверхность вынырнули худые длинные пальцы и стали шарить в траве, подбираясь к чайнику. Нашарили вслед за чайником блестящие в лунном свете ложки. Глядь – выпросталась вторая ладонь, и длинная рука потянулась вдоль могилы к остальным простыням. Подняла их – и тут же, подхваченные ветром, простыни заплескались, как паруса. Рука удерживала их, пока они не наполнились ветром, а потом отпустила; порхнув через кладбище, поверх стены, они улеглись среди чурок на соседнем дворе, где жил плотник.

– Хекстам послала, – шепнула Элизабет.

Руки тем временем принялись рыться в чайнике, вытряхивая оттуда часть монет.

Еще мгновение, и метко запущенные серебряные монеты, звякнув, упали на паперть.

Считать их? Супругам было не до того.

А руки подобрали наволочки, завернули в них чайник и серебряные ложки, ветер подхватил подброшенную связку и переправил через кладбищенскую стену на двор колесного мастера.

По диску луны снова побежала завеса тумана, кладбище потонуло в темноте. Небо прояснилось лишь через полчаса. На кладбище не колыхалась ни единая травинка.

– Похоже, нам можно идти, – промолвил Джейбес.

– Давай подберем, что она нам бросила.

Пошарив по полу, супруги подобрали монеты. Сколько их было, они узнали только дома, при зажженной свече.

– Сколько? – спросила Элизабет.

– Тютелька в тютельку три фунта, пять шиллингов и четыре пенса, – ответил Джейбес.

Жан Бушон

Прошло уже немало лет со времени моего визита в Орлеан³¹. В ту пору я собирался писать биографию Жанны д'Арк³² и рассудил, что будет полезно посетить арену ее подвигов, дабы внести в свое повествование долю местного колорита.

Однако Орлеан не оправдал моих ожиданий. Скучный городишко, и только на первый взгляд очень современный, но притом, подобно многим французским городам, жалкий и обветшавший. Имеется площадь Жанны д'Арк³³ с ее стату-

---

³¹ *Орлеан* — старинный город во Франции, административный центр департамента Луаре и всего региона Центр – Долина Луары.

³² *Жанна д'Арк* (1412–1431), или *Орлеанская Дева*, – национальная героиня Франции, крестьянка из селения Домреми на границе Шампани и Лотарингии, по приказу короля Карла VII Валуа возглавившая французскую армию на завершающем этапе Столетней войны (1337–1453); под ее командованием в начале мая 1429 г. французские войска освободили Орлеан от английской осады, что стало прологом к коренному перелому в ходе военных действий.

³³ ...*площадь Жанны д'Арк с ее статуей в центре: Жанна сидит верхом и держит в руке развернутое знамя.* – Бэринг-Гулд – по ошибке либо намеренно – соединяет в этом описании черты двух различных памятников Орлеанской Девы, в разное время украшавших площадь Мартруа в центре Орлеана. Бронзовое изваяние работы Эдме Этьена Франуса Гуа (1765–1836), которое запечатлело Жанну стоящей вполозворота, с мечом в правой руке и знаменем в левой, было отлито в 1803 г. по распоряжению Наполеона I и простояло на площади с 1804 по 1855 г., когда его заменила статуя Девы, *сидящей на коне*, с мечом, но *без знамени*, работы Дени Фуатье (1793–1863); прежний памятник был перемещен на площадь у южного входа на Королевский мост (ныне – мост Георга Пятого) через Луару.

ей в центре: Жанна сидит верхом и держит в руке развернутое знамя. Имеется дом, где обитала Дева после взятия города, но вследствие множества перестроек и усовершенствований прежними там остались только стены и балки, интереса он уже не представляет. Создан музей la Pucelle³⁴, но подлинных реликвий не сохранилось, только оружие и шпалеры иных, позднейших времен.

И городские стены, которые она осаждала, и ворота, куда она ворвалась, давно сровняли с землей; теперь на этом месте бульвары. И даже собор, где она на коленях возносила благодарственную молитву за свою победу, уже не тот. Старый был взорван гугенотами, нынешний возведен на его руинах в 1601 году³⁵.

На каминной полке в моем гостиничном номере стояли никогда не заводившиеся часы со скульптурным изображением Жанны из золоченой бронзы, да в витринах кондитер-

---

³⁴ Девственницы (*фр.*).

³⁵ ...собор, где она на коленях возносила благодарственную молитву за свою победу, уже не тот. Старый был взорван гугенотами, нынешний возведен на его руинах в 1601 году. – Имеется в виду одна из главных исторических достопримечательностей Орлеана – старинный кафедральный собор Святого Креста на одноименной площади, конструкция и стиль которого неоднократно претерпевали изменения. Относящееся к XIII в. готическое строение было на три четверти уничтожено гугенотами в 1568 г., в период религиозных войн во Франции (1562–1598). Восстановление собора началось в 1601 г. на средства короля Генриха IV Наваррского, стремившегося положить конец межконфессиональной вражде; оно растянулось на два с лишним столетия и было завершено в 1829 г., к 400-летию освобождения Орлеана от англичан; тогда же состоялось освящение нового здания.

ских было выставлено лакомство для детей – шоколадные фигурки Жанны. В семь часов вечера, садясь к табльдоту³⁶ в своей гостинице, я был не в духе. Изыскания на местности не принесли результата, однако я рассчитывал, что завтра найду что-нибудь полезное в городской библиотеке, где хранились муниципальные архивы.

Покончив с обедом, я побрел искать, где выпить кофе.

У кафе, которое я выбрал, было два входа – с главной площади и задний, неподалеку от моей гостиницы: из длинного, мощенного камнем переулка, взойдя по трем-четырем каменным ступеням, вы попадали в большое, ярко освещенное помещение. Так и я попал в кафе – сзади, а не спереди. Я сел за столик и заказал кофе с коньяком. Потом взял французскую газету и приступил к чтению – всего, кроме подвала. Ни разу в жизни не встречал человека, который бы прочитывал во французской газете подвал; мне представляется, все эти обрывки прозы печатают с одной-единственной целью – заполнить бумагу и скрыть, что издателям не хватает новостей. Сведения о мировых событиях французские издатели черпают в основном из английских ежедневных газет, поэтому их новости на день отстают от наших.

Я погрузился в чтение, но вдруг что-то заставило меня поднять глаза: рядом с белой мраморной столешницей, где стоял мой кофе, застыл в выжидающей позе бледный, с чер-

---

³⁶ *Табльдот* (фр. table d'hôte – стол хозяина) – общий обеденный стол с единым меню в пансионе или гостинице.

ными бакенбардами, официант.

Меня немного задело преждевременное требование оплаты, но, будучи здесь чужаком, я решил не обижаться и молча положил на столик полфранка и монетку в десять сантимов – вторую в качестве *pourboire*³⁷. Затем снова углубился в чтение.

Минут, наверное, через пятнадцать я встал, чтобы направиться к выходу, но, к своему удивлению, обнаружил, что полфранка остались на столе, меж тем как мелкая монета исчезла.

Подозвав официанта, я сказал:

– Один из ваших сослуживцев недавно подходил ко мне с требованием оплатить счет. Мне подумалось, что он чересчур спешит, однако я выложил деньги. Официант забрал чаевые, но плату за кофе оставил.

– *Sapristi!*³⁸ – воскликнул гарсон. – Жан Бушон опять взялся за свое.

Я не стал задавать вопросов. Их дела меня не касались, подробности мне были ни к чему, и я молча удалился.

Весь следующий день я трудился в городской библиотеке. Но ни одного неопубликованного документа, который бы представлял какую-то ценность для моей работы, мне в руки не попало.

Я перерыл массу текстов, по-разному отвечавших на во-

---

³⁷ Чаевых (*фр.*).

³⁸ Черт возьми! (*фр.*)

прос, сожгли Жанну д'Арк или нет: кое-кто утверждал, что некая особа, под тем же именем и тоже из Арка, спустя годы умерла естественной смертью и что якобы она выдавала себя за подлинную деву-воительницу. Я перечитал множество монографий о Девственнице, серьезных и не очень. Некоторые представляли собой подлинный вклад в историческую науку, другие – вторичную сомнительную стряпню из расхожих, всем известных материалов. В последних новым был только соус, под которым эти материалы подавались.

Вечером, после обеда, я возвратился в то же кафе и снова заказал кофе с коньяком. Не спеша его выпил и отошел к стойке написать пару писем.

Закончив первое письмо и уже складывая его, я заметил того же бледного официанта: он протягивал руку за платой. Я извлек из кармана пятидесятисантиметровую монету и монетку в два су, положил на стойку поближе к официанту и вернулся к письму – запечатал его в конверт и надписал адрес.

Потом я закончил второе письмо, встал и направился к столику, намереваясь заказать марки, и тут заметил, что, как и в прошлый раз, серебряная монета осталась нетронутой, а медная исчезла.

Я постучал по столику, подзывая официанта.

– Tiens³⁹, – сказал я, – этот ваш сотоварищ снова чудит. Чаевые взял, но полфранка оставил.

– А, снова этот Жан Бушон!

---

³⁹ Послушайте (*фр.*).

– Да кто он такой?

Официант пожал плечами и вместо ответа на мой вопрос проговорил:

– Я бы рекомендовал месье не платить в следующий раз Жану Бушону – если, конечно, месье намеревается впредь посещать наше кафе.

– Ну разумеется, этот дурень больше ничего от меня не получит. Я одного не понимаю: почему его до сих пор у вас держат.

На следующий день я вновь побывал в библиотеке, а потом прошелся по берегу Луары – зимой она несется бурным потоком, а летом мелеет, так что местами вдоль берега обнажаются галька и песок. Я побродил по городу и попытался, хотя без успеха, представить себе его в кольце стен и круглых башен, когда 29 апреля 1429 года в город ворвалась Жанна, обратив англичан в паническое бегство⁴⁰.

Вечером я вернулся в знакомое кафе и сделал заказ. Потом принялся просматривать и сортировать свои заметки.

Тем временем мне на глаза попался пресловутый Жан Бушон, стоявший у столика в прежней выжидательной позе. На сей раз я внимательно всмотрелся в его лицо. Одутловатые бледные щеки, черные глазки, густые темные бакенбарды –

---

⁴⁰ ...29 апреля 1429 года в город ворвалась Жанна, обратив англичан в паническое бегство. – В реальности эти события разделял полуторанедельный временной промежуток: 29 апреля Жанна д'Арк с небольшим отрядом проникла в осажденный Орлеан через Бургундские ворота, а 8 мая, после нескольких проигранных сражений, англичане сняли с города осаду.

«бараньи отбивные» – и сломанный нос. Жан Бушон определенно не отличался красотой, но в выражении его лица не было ничего отталкивающего.

– Нет, – ответил я, – вы от меня ничего не дождетесь. Вам я платить не стану. Позовите другого гарсона.

Я поднял глаза, чтобы посмотреть, как Жан Бушон воспримет мои слова, но он сделался плохо различим, точнее сказать, его формы и черты странно расплылись. Словно бы я наблюдал сначала отражение в неподвижной воде, а потом поверхность отчего-то заколыхалась, картина рассыпалась на куски и пропала. Я его не видел. Растерянный и даже немного испуганный, я постучал ложечкой о кофейную чашку, чтобы привлечь внимание официантов. Один из них немедленно ко мне подскочил.

– Послушайте, – начал я, – Жан Бушон снова здесь был. Я сказал, что не заплачу ему ни су, и он совершенно непостижимым образом растаял в воздухе. Я нигде его не вижу.

– Его здесь и нет.

– Когда он вернется, скажите, чтобы подошел ко мне. Я хочу с ним переговорить.

Официант смутился.

– Не думаю, что Жан вернется.

– Давно он состоит на службе?

– Он уже несколько лет у нас не работает.

– Тогда почему он подходит к посетителям и спрашивает плату за кофе и прочие заказы?

- Он никогда не берет деньги по счету. Только чаевые.
- Как же вы ему это разрешаете?
- Мы ничего не можем поделаться.
- Нельзя пускать его в кафе!
- Нам от него не избавиться.
- Я просто поражен. Он не имеет права забирать чаевые.

Нужно пожаловаться в полицию.

Официант покачал головой.

– Что толку? Жан Бушон умер в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году.

– Умер?.. – повторил я.

– Да. Но до сих пор сюда наведывается. К старым клиентам, местным жителям, он не пристаёт – только к чужим, приезжим.

– Расскажите мне о нем.

– Сейчас никак, месье, прошу прощения. Большой наплыв посетителей, мне надо работать.

– В таком случае я загляну сюда завтра утром, когда вы будете посвободней, и попрошу поведать эту историю. Как вас звать?

– Альфонс, месье, к вашим услугам.

Следующим утром вместо поиска следов Орлеанской Девы я явился в кафе выслеживать Жана Бушона. Альфонс вытирал тряпкой столики. Я пригласил его сесть, а сам устроился напротив. Рассказанное я передаю кратко, лишь в нужных случаях прибегая к точным цитатам.

Жан Бушон служил в этом кафе официантом. В некоторых подобных заведениях у служащих принято держать копилку, куда все складывают полученные чаевые. В конце недели копилку открывают и деньги делят между официантами в определенной пропорции: метрдотель получает бóльшую долю, чем остальные. Нельзя сказать, что так принято во всех кафе, но в некоторых, в том числе и в этом, придерживались именно такого порядка. Сумма набирается более или менее постоянная, за исключением особых случаев – например, каких-то торжеств, и официанты с точностью до нескольких франков знают свой будущий доход.

Но в кафе, где служил Жан Бушон, за неделю ожидаемой суммы не набиралось, и через месяц-другой официанты пришли к выводу: что-то здесь не так. Или кто-то запускает руку в копилку, или кто-то утаивает чаевые. Устроили слежку, и выяснилось, что обманщик – Жан Бушон. Получив чаевые, он подходил к копилке и делал вид, что опускает туда монету, но стука от падения ее на дно не слышалось.

Официантов, разумеется, очень возмутило это открытие. Жан Бушон пытался куражиться, но они обратились к патрону, изложили свои претензии, и Жан Бушон был уволен. Когда он покидал заведение через задний ход, один из младших гарсонов поставил ему подножку. Жан Бушон споткнулся, полетел головой вперед со ступеней и с грохотом впечатался лбом в каменный пол коридора. Удар оказался таким сильным, что беднягу отнесли обратно наверх без чувств. Врач

установил перелом костей и сотрясение мозга – и через два-три часа Жан Бушон, не приходя в сознание, умер.

– Мы все были очень расстроены, просто потрясены, – рассказал Альфонс. – Мы не любили Жана Бушона, он обошелся с нами бесчестно, однако никто не желал ему зла, и с его смертью обиды были забыты. Официанта, который поставил подножку, арестовали и присудили к нескольким месяцам тюрьмы, но поскольку налицо была une mauvaise plaisanterie⁴¹, а не злой умысел, молодой человек отделался легким приговором. Впоследствии он женился на вдове, владелице кафе во Вьерзоне, и, насколько мне известно, теперь процветает.

Жана Бушона похоронили, – продолжал Альфонс, – и мы, официанты, провожали его в последний путь и прижимали к глазам белые платки. Метрдотель даже спрятал в платке лимон, чтобы с его помощью пускать слезу. Каждый внес свою долю, и похороны были торжественные, как приличествует официанту.

– То есть вы хотите сказать, что с тех пор кафе посещает призрак Жана Бушона?

– С тысяча восемьсот шестьдесят девятого года, – подтвердил Альфонс.

– И нет способа от него избавиться?

– Никакого, месье. Как-то раз к нам зашел один каноник

---

⁴¹ Дурная шутка (*фр.*).

из Буржа⁴². Мы никак не думали, что Жан Бушон явится досаждать духовному лицу, но он явился. Взял *rougboire*, а остальное не тронул, в точности как было с месье. Ах, месье, Жан Бушон недурно промышлял и в тысяча восемьсот семидесятом, и в тысяча восемьсот семьдесят первом году, когда город оккупировали свиньи-пруссаки⁴³. Тогда что ни вечер, в кафе заживали офицеры, и Жан Бушон своего не упускал. Наверно, добрую половину чаевых у нас увел. Такой урон для нас!

– История совершенно невероятная, – сказал я.

– Но правдивая, – заверил Альфонс.

На следующий день я покинул Орлеан. Я отказался от мысли составить биографию Жанны д'Арк, поскольку стало ясно, что никаких новых исторических фактов мне не собрать. Попросту говоря, эта тема исследована вдоль и поперек.

Шли годы, я уже думать забыл о Жане Бушоне, но однажды, проездом на юг, я снова оказался в Орлеане, и у меня в памяти всплыла эта история.

Вечером я наведаясь в знакомое кафе. С прошлого раза оно очень похорошело. Прибавилось витрин и позолоты, по-

---

⁴² *Вьерзон, Бурж* — города в департаменте Шер французского региона Центр – Долина Луары.

⁴³ ...и в тысяча восемьсот семидесятом, и в тысяча восемьсот семьдесят первом году, когда город оккупировали свиньи-пруссаки. – Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. Орлеан в результате осад дважды (11 октября и 4 декабря 1870 г.) захватывался прусской армией.

явились электрическое освещение, дополнительные зеркала и прочие новые украшения.

Я заказал кофе с коньяком и стал просматривать журнал, но периодически косился в сторону, чтобы не упустить Жана Бушона. Однако он не появился. Я провел в ожидании четверть часа, но ничего не дождался.

Наконец я подозвал официанта и спросил:

– А где Жан Бушон?

– Месье спрашивает Жана Бушона? – удивился он.

– Да, я раньше его здесь видел. Где он сейчас?

– Месье видел Жана Бушона? Месье, наверно, был с ним знаком? Он умер в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году.

– Мне известно, что он умер в шестьдесят девятом, но я с ним познакомился в семьдесят четвертом. Я виделся с ним трижды, и он получал от меня скромное вознаграждение.

– Месье давал чаевые Жану Бушону?

– Да, и Жан Бушон их принимал.

– Tiens, а ведь Жан Бушон тогда уже пять лет как умер.

– Да, и я хочу знать, каким образом вы от него избавились, поскольку очевидно, что сейчас его нет, иначе бы он непременно ко мне привязался.

Официант явно смешался и не знал, что отвечать.

– Погодите, – спросил я, – Альфонс на месте?

– Нет, месье, Альфонс года два или три назад взял расчет.

К тому же месье видел Жана Бушона в семьдесят четвертом

году. Меня тогда не было. Я здесь работаю только шесть лет.

– Но вы, судя по всему, могли бы рассказать мне, как ваше заведение отделилось от Жана.

– Месье, нынче вечером мне недосуг, от посетителей нет отбою.

– Я дам вам пять франков, если вы изложите мне вкратце все – все, что известно о Жане Бушоне.

– Не соблаговолит ли месье прийти завтра с утра? Тогда я буду в полном распоряжении месье.

– Я приду в одиннадцать.

В назначенное время я был в кафе. Ни одно другое заведение не выглядит таким удручающе заброшенным и неопрятным, как кафе по утрам: перевернутые стулья, официанты в рубашках и передниках, застарелая табачная вонь в смеси с другими не радующими обоняние запахами.

Вчерашний официант меня ждал. Я пригласил его сесть со мной за столик. Кроме нас, в зале находился только другой гарсон, который смахивал пыль длинной метелкой из перьев.

– Месье, – начал официант, – я выложу вам всю правду. История дикая, не всякий ей поверит, но все подтверждается документами. Жан Бушон служил здесь в свое время. У нас имелась копилка. Говоря «у нас», я не имею в виду себя: меня тогда еще не было.

– Про общую копилку я знаю. Я слышал эту историю в тысяча восемьсот семьдесят четвертом году, когда был в Орлеане и видел этого самого Бушона.

– Месье, наверное, сказали, что он похоронен на кладбище?

– Да, это мне известно. За счет его сослуживцев.

– Так вот, месье, он был беден, да и сослуживцы небогаты, хотя искренне хотели сделать все как полагается. Могила не была приобретена en perpétuité⁴⁴. Прошло много лет, срок контракта истек, да и Жан Бушон наверняка уже истлел, и могилу стали освобождать для нового клиента. И тут обнаружилось такое, что у всех глаза на лоб полезли. Наполовину сгнивший гроб оказался заполнен – буквально забит – монетами; кроме пяти- и десятисантиметровых нашлось и немало немецких, полученных, конечно же, от свиней-пруссаков за время оккупации Орлеана. В городе все только об этом и говорили. Хозяин кафе и метрдотель пошли к мэру объяснить, как было дело: что все эти деньги украдены у официантов за годы, минувшие с тысяча восемьсот шестьдесят девятого. Наш патрон указал, что по закону и справедливости их следует нам вернуть. Мэр, человек понимающий и разумный, с ним согласился и отдал распоряжение, чтобы все бывшие в гробу монеты передали нам, здешним официантам.

– Понимаю, вы разделили их между собой.

– Нет, месье, прошу прощения. По закону деньги в самом деле наши. Однако же те, кого он обобрал, в большинстве своем давно взяли расчет, а среди нынешних есть такие, кто служит в кафе не дольше года-полтора. Старых официантов

---

⁴⁴ В бессрочное владение (фр.).

мы найти не смогли. Кто умер, кто женился и уехал в другие края. Формально у нас ведь не было товарищества. И вот мы стали держать совет, что делать с деньгами. К тому же мы опасались, что, если дух Жана Бушона не умиротворить, он будет по-прежнему навеваться в кафе и забирать наши чаевые. Поэтому главное было задобрить Жана Бушона, распорядиться деньгами так, чтобы он был доволен. Одни предлагали одно, другие другое. Кто-то придумал на все деньги заказать мессы за упокой его души. Но метрдотель не согласился. Он сказал, что хорошо изучил Жана Бушона и догадывается, что затея с мессами ему вряд ли понравится. Мол, уж он-то, метрдотель, знает Жана Бушона как облупленного. А делать надо вот что: все монеты отдать в переплавку, отлить бронзовую статую Жана Бушона и поставить ее в кафе, потому что на главной площади установить не получится – на большую статую металла не хватит. Если месье соизволит пойти со мной, я покажу эту статую – настоящий шедевр!

Официант встал с места, я последовал за ним.

В центре кафе стоял пьедестал, а на нем бронзовая фигура высотой примерно четыре фута. Она изображала человека со знаменем в левой руке; держась правой за лоб, он клонился назад, словно сраженный пулей. У ног его лежала сабля, которую он, очевидно, выронил. Я всмотрелся в лицо: оно нисколько не напоминало Жана Бушона, каким я его запомнил, – ни одутловатых щек, ни бакенбардов, ни сломанного носа.

– Прошу прощения, но с Жаном Бушоном тут нет ничего общего. Скорее я принял бы этот образ за Августа в молодости или, пожалуй, Наполеона. Настоящий греческий профиль.

– Все возможно, – отозвался официант. – Но у нас не было фотографии для образца. Пришлось дать скульптору творческую свободу, и главное, нам хотелось потрафить духу Жана Бушона.

– Понятно. Однако поза противоречит фактам. Жан Бушон свалился с лестницы головой вперед, а этот явно готовится упасть навзничь.

– Это было бы против законов искусства, да и духу Жана Бушона вряд ли бы понравилось.

– Да-да, понятно. Но знамя?..

– Знамя придумал скульптор. Не мог же он вложить Жану в руку кофейную чашку! Как вы можете убедиться, все в целом выглядит преотлично. У искусства свои правила. Обратите внимание – внизу на пьедестале надпись.

Наклонившись, я с некоторым недоумением прочитал:

JEAN BOUCHON

MORT SUR LE CHAMP DE GLOIRE⁴⁵

1870

DULCE ET DECORUM EST PRO PATRIA MORI⁴⁶

---

⁴⁵ Жан Бушон пал на поле брани (фр.).

⁴⁶ *Dulce et decorum est pro patria mori.* – Цитата из «Од» (30–13 до н. э.; кн. III, ода 2, ст. 13) римского поэта Квинта Горация Флакка (65–8 до н. э.). Красна и

– Какое поле брани, – вскричал я, – он ведь свалился с черной лестницы!

– Но, месье, Орлеан весь – поле брани! А как мы в четыреста пятьдесят первом году под водительством святого Эньяна отразили нашествие Атиллы с его гуннами⁴⁷? А как в тысяча четыреста двадцать девятом под знаменами Жанны д'Арк разбили англичан (месье простит мне невольный намек)? А как в ноябре тысяча восемьсот семидесятого отвоевали Орлеан у немцев?

– Все это совершенно верно, – прервал я официанта. – Но Жан Бушон не бился с Атиллой, не сражался под знаменами Девственницы и не гнал пруссаков. «*Dulce et decorum est pro patria mori*» – слишком сильное выражение для подобного случая.

– Как? Неужели месье не согласен с тем, что здесь выражены чувства возвышенные и патриотические?

– Пожалуй, но они не на то направлены.

– А зачем их направлять? Они и так хороши.

сладка смерть за отечество (лат.). – Перевод А. Семенова-Тян-Шанского.

⁴⁷ ...как мы в четыреста пятьдесят первом году под водительством святого Эньяна отразили нашествие Атиллы с его гуннами? – В 451 г. армия Атиллы (ум. 453), предводителя племенного союза гуннов, аланов, остготов и др., вторглась в римскую провинцию Галлия (на территорию будущей Франции) и, после взятия ряда городов, попыталась захватить и разграбить Орлеан (в ту пору Аврелианум), но была остановлена подоспевшими в последний момент войсками Западной Римской империи и ее союзников-вестготов. По легенде, до их прибытия епископу Орлеана Эньяну (ум. 453) удалось задержать наступление гуннов при помощи молитвы.

– Но скульптор связал их с Жаном Бушоном, который погиб не за отечество, а из-за банального скандала в кофейне. Опять же, дата указана неправильно. Жан Бушон умер в тысяча восемьсот шестьдесят девятом, а не в тысяча восемьсот семидесятом году.

– Разница всего-то в год.

– Да, но эта ошибка в год вместе с цитатой из Горация и позой, приданной фигуре, внушит любому, будто Жан Бушон героически погиб при освобождении Орлеана от пруссаков.

– Ах, месье, ну кто же, глядя на памятник, рассчитывает узнать по нему истинную правду об усопшем?

– Иными словами, правду вы принесли в жертву, – возразил я.

– Жертва – это прекрасно! Что может быть благородней, героичней, чем жертва?

– Не в тех случаях, когда жертвуют правдой.

– Жертва – всегда жертва.

– Ну ладно. – Мне не хотелось длить спор. – Действительно, вот поучительный пример того, как из ничего можно сотворить внушительное нечто.

– Как же из ничего? Из монет, которые Жан Бушон у нас украл и набил в свой гроб.

– И больше Жан Бушон не показывался?

– Нет, месье. Впрочем... показался однажды при торжественном открытии памятника. Церемонию проводил па-

трон. В кафе было полно народу. Присутствовали все наши habitués⁴⁸. Патрон произнес великолепную речь, описал в превосходных выражениях достоинства Жана Бушона: высокую нравственность, ум, заслуги перед обществом и талант политика. Все до единого прослезилось, оратора душили эмоции. Мы стояли кольцом, поодаль от памятника, и вдруг увидели (я сам там был и видел ясно, остальные тоже) спину Жана Бушона. Он пристально разглядывал собственный портрет. Месье, я различил даже его черные бакенбарды – они топорщились по бокам. Да-да, сэръ, никто не проронил ни звука. Мы все как онемели. Патрон закончил речь, вытер глаза и высморкался. На нас словно сошел благоговейный трепет. Через несколько минут Жан Бушон повернулся к нам, и мы все увидели его одутловатые бледные щеки, жирные губы, сломанный нос, маленькие пороссячи глазки. Он совсем не походил на свой идеальный образ, но разве в этом дело? Скульптор возвеличил покойного и никому не сделал вреда. Да, месье, Жан Бушон оглядел нас, покачал головой и заулыбался – елейной улыбкой, я бы сказал. Потом воздел кверху руки, словно бы призывая на всех благословение небес, и исчез. С тех пор его не видели.

---

⁴⁸ Завсегдатаи (*фр.*).

Меревиги

Живя в Эссексе⁴⁹, я имел удовольствие быть знакомым с майором Донелли, отставником на половинном содержании, который долгие годы прослужил в Индии. Он отличался редкостной наблюдательностью и был настоящим кладезем всевозможных ценных сведений, которыми охотно делился со своими близкими приятелями, в том числе и со мной.

Ныне майора Донелли нет с нами, и мир от этого много потерял. Майора интересовало все: антропология, механика, археология, естественные науки, фондовый рынок, политика. Собственно, какой предмет ни затронь в беседе, любой оказывался в определенной мере ему знаком, и это знакомство майор непременно желал расширить. Подобную личность невозможно не ценить. Меня он просто завораживал.

Однажды во время совместной прогулки я случайно упомянул так называемые Красные Холмы. Донелли никогда о них не слышал, заинтересовался, и я поделился с ним тем немногим, что знал. Красные Холмы⁵⁰ – это возвышения

---

⁴⁹ *Эссекс* – графство на юго-востоке Англии.

⁵⁰ *Красные Холмы* — небольшие холмы или курганы красного цвета, встречающиеся на морских побережьях и в приливно-отливных зонах рек Восточной Англии и Эссекса и представляющие собой остатки глиняных очагов, при помощи которых, как установили археологи в XX в., древние жители острова Британия выпаривали соль из морской воды (эта версия далее упоминается в рассказе – еще на правах гипотезы). Относящиеся к бронзовому и железному веку и пе-

из обожженной глины кирпично-красного цвета, которые встречаются на восточном побережье, по краю маршей⁵¹. Когда и с какой целью они были устроены, никто с точностью не знает. Выдвигались различные гипотезы, приверженцы упорно их отстаивали, но убедительных свидетельств до сих пор не найдено. Если бы было предпринято тщательное научное исследование, обнаружены, к примеру, кремневые орудия, глиняные черепки или монеты, определено время, к которому они относятся, это облегчило бы задачу тем, кто гадал о назначении холмов. Однако в ту пору, когда я жил в Эссексе, такого исследования проведено не было, и проводилось ли оно впоследствии, мне неизвестно.

Я вкратце ознакомил Донелли с некоторыми версиями происхождения Красных Холмов: возможно, они остались от выварки соли, или представляют собой могильники, или же это искусственные фундаменты для рыбацких хижин.

– Вот, в самую точку, – оживился майор. – Мера предосторожности от болотной лихорадки. Вам ведь известно, что обожженная глина – самое надежное средство против болотной лихорадки, этого бича эссекских маршей? В Центральной Африке, в болотистых низинах, аборигены прекрасно об этом знают и строят свои жилища как раз на таких платформах. Послушайте, дружище: мне просто не терпится взять

риоду римского владычества в Британии, эти древние центры солеварения были впервые исследованы в 1879 г.

⁵¹ *Марши* — низменные полосы морского берега, подверженные воздействию высоких приливов или нагонов морской воды.

лодку и вместе с вами исследовать для начала оба берега Блэкуотер⁵² с ее рукавами и нанести на карту все, какие нам попадутся, красные холмы.

– Охотно составлю вам компанию, – согласился я. – Нужно, правда, иметь в виду, что многие холмы срыли, однако их прежнее местонахождение можно легко определить по цвету почвы.

И вот в ближайший погожий день мы наняли лодку (без лодочника, так как рассчитывали грести сами) и отправились в экспедицию. Местность вокруг Блэкуотер равнинная, наклон речного и морского берега такой незначительный, что большое пространство можно в равной мере отнести к суше и водоему. Обширные марши то уходят под воду, то расцветают кермеком⁵³, в июне же вспыхивают яркой порослью армерий⁵⁴. На маршах находят себе питание жесткие травы и солерос⁵⁵. Марши расчерчены паутиной, бесчисленные нити которой состоят из воды и ила. Горе тому, кто, оступившись или не рассчитав прыжок, свалится в такую ка-

---

⁵² *Блэкуотер* – извилистая река, протекающая с северо-запада на юго-восток графства Эссекс; впадает в Северное море.

⁵³ *Кермек* – род травянистых растений семейства свинчатковые, с мелкими мелтелкообразными цветками, часто произрастающих на засоленных почвах.

⁵⁴ *Армерия* — род травянистых растений семейства свинчатковые, с яркими цветками, собранными в головчатое соцветие; нередко произрастают на морских побережьях.

⁵⁵ *Солерос* – род травянистых растений семейства амарантовые, произрастающих на сильно засоленных почвах.

наву: он по пояс увязнет в иле. Временами, когда высоких приливов не ожидается, на маршах пасут овец. Они умеют перепрыгивать через канавы, а пастух следит за обстановкой и, заметив опасность, гонит стадо прочь.

Ближе к твердой суше, неизвестно когда, были устроены насыпи, чтобы отвоевать у моря кусок земли; с внутренней стороны образовались рвы со стоячей водой, где в изобилии плодятся комары. Еще дальше от берега растут дубы; летом комары слетаются к ним такими густыми тучами, что кажется, будто кроны дымятся. Мы с майором Донелли лениво работали веслами, загребали в притоки, выбирались на берег, определяли свои координаты и отмечали на карте расположение красных холмов или их следов.

Мы основательно исследовали левый берег до определенной точки, и тут майор Донелли предложил перебраться к противоположному.

– Я бы посоветовал пройтись основательно по верхьям, – сказал он, – и тогда с одним участком будет полностью покончено.

– Хорошо, – согласился я, и мы стали разворачивать лодку. К несчастью, мы не учли, что устье сильно заилено. К тому же начался отлив, и мы сели на мель.

– Проклятье, – выругался майор, – застряли. Вот ведь незадача.

Мы попытались оттолкнуться веслами, но дно было мягкое и опоры не находилось.

И тут Донелли сказал:

– Делать нечего, придется кому-то одному выйти и подтолкнуть лодку. Позвольте мне. Брюки я надел старые, обтрепанные, их не жалко.

– Ни в коем случае, пойду я.

С этими словами я спрыгнул за борт. Но и майор тоже спрыгнул, и вместе мы погрузились в липкую слизь. По консистенции она напоминала шпинат. Я говорю не про тот шпинат, который подают к столу у нас в Англии, небрежно измельченный, часто с крупинками, а шпинат с французского табльдота – протертый через мелкое сито. Более того, под слоем слизи как будто не было дна. Судя по всему, слизь уходила в глубину на добрую милю – чуть ли не до центра земли, а уж воняла просто несусветно. Чтобы не завязнуть с головой, мы вцепились с разных сторон в борта лодки.

Так мы и торчали по обе стороны, держась за планширы⁵⁶ и глядя друг на друга. Сперва никто не произносил ни слова. Донелли первым пришел в себя, потерся ртом о планшир, чтобы стереть шлепки грязи, и спросил:

– Можете выбраться?

– Не похоже, – ответил я.

Мы налегли на лодку, она дернулась, полетели брызги, и наши головы и руки сплошь облепило грязью.

– Так не пойдет, – сказал он. – Надо выбираться обоим одновременно, причем не разом. Слушайте, когда я скажу

---

⁵⁶ *Планишир* – здесь: брус, закрывающий верхний край борта лодки.

«три», ступите в лодку левой ногой, если сумеете.

– Постараюсь.

– Дальше нам нужно будет действовать согласованно. Только без фокусов: если, пока я буду закидывать ногу, вы захотите влезть целиком, лодка опрокинется.

– В жизни не фокусничал, – огрызнулся я, – а уж в такую минуту тем более не собираюсь.

– Хорошо, – сказал майор. – Раз... два... три!

В тот же миг мы оба, вытянув левые ноги из ила, перекинули их через противоположные борта лодки.

– Как вы? – поинтересовался Донелли. – С ногой все нормально?

– Все, кроме ботинка. Его засосало в грязь.

– Да бог с ним, с ботинком, лишь бы не всю ногу. Иначе нарушилось бы равновесие. А теперь... теперь дело за туловищем и правой ногой. Наберите в грудь воздуха и ждите, пока я крикну «три».

Мы помедлили, отдуваясь, а потом Донелли зычным голосом проорал:

– Раз... два... три!

В тот же миг мы, напрягши все силы, совершили отчаянный рывок и забрались наконец в лодку. Немного отдышавшись, мы сели на противоположные планширы и стали разглядывать друг друга. С ног до головы нас покрывала мерзкая жижа, одежда задубела, лица и руки тоже. Зато опасность миновала.

– Будем торчать здесь все шесть часов, – проговорил Донелли, – пока прилив не стронет лодку с места. Звать на помощь нет смысла. Если даже нас услышат, никто сюда не доберется. Приходится мириться с обстоятельствами. К счастью, солнце жарит всюю, грязь подсохнет и мы сможем хоть немного ее облупить.

Перспектива не радовала, но делать было нечего.

Неожиданно Донелли добавил:

– Хорошо, что у нас при себе закуска, а главное, виски – ведь это самое насущное. Слушайте, дружище, больше всего мне хочется смыть с наших рук и лиц эту мерзость: она воняет так, что куда там помоям с кухни самого сатаны. В корзинке была, как будто, бутылка кларета⁵⁷?

– Да, я положил.

– Тогда самым лучшим для него употреблением будет им умыться. Как выпивка он слабоват, а кроме того, у нас ведь есть виски.

– Вода совсем отступила, – заметил я, – ею не умоешься.

– Ну вот и откройте «Сен-Жюльен».

И вправду делать было нечего. От мерзкого запаха нас мутило. Я вытащил пробку и мы совершили омовение кларетом. Потом вернулись на свои места и печально уставились друг на друга. Шесть часов среди ила в устье Блэкуо-

---

⁵⁷ *Кларет* – общее название некоторых сортов красного вина региона Бордо и, шире, сухих красных вин бордоского типа, производимых за пределами Франции.

тер – нескончаемый срок! Разговаривать не хотелось. Прошло четверть часа, и майор предложил закусить. Мы занялись содержимым корзины, разумеется, уделив особое внимание бутылке виски. Как же иначе, если мы промокли до нитки и перемазались в дурно пахнущей грязи.

Покончив с курицей и окороком и осушив емкость с виски, мы заняли привычное положение визави. Важно было следить за равновесием. На сей раз майор Донелли настроился на разговор.

– Должен вам сказать, – начал он, – что ни в Колчестере, ни в Челмсфорде⁵⁸ я не встречал человека учней и приятнее вас.

Привожу эти слова только из-за рассказа, который за ними последовал.

Я отозвался – осмелюсь заметить, покраснев, хотя и так был красен после кларета. Я отозвался:

– Вы мне льстите.

– Вовсе нет. Я всегда говорю то, что думаю. Вы приобрели массу знаний, вырастили свои крылья и облеклись в цвета радуги.

– Бога ради, о чем вы? – удивился я.

– Известно ли вам, что все мы когда-то вырастим себе крылья? Уподобимся ангелам? Из какой основы, по-вашему, разовьются эфирные крылья? Из ничего они не вырастут. Их

---

⁵⁸ *Колчестер, Челмсфорд* – города в Эссексе с давними и богатыми образовательными традициями.

nihilo nihil fit⁵⁹. Не думаете же вы, будто материалом им послужат курица и окорок?

– Или виски.

– Или виски, – кивнул майор. – Как вам известно, то же относится и к личинкам бабочки.

– Вот уж не пробовал, – заметил я.

– Я уже не про пищу, я о гусеницах. Вся свою короткую жизнь эти создания заняты одним: едят, едят и едят. Возьмите капустный лист, весь в дырках – все, что возможно, выела личинка, и я скажу зачем. Она окуклится, за зиму произойдет превращение, и весной из куколки вылетит яркая бабочка. Цветные крылья насекомого на второй стадии его существования – это переработанный капустный лист, который сожрала личинка.

– Все так. Но какое отношение это имеет ко мне?

– Мы тоже находимся на стадии личинки. Только не вообразите себе, будто наши будущие радужные крылья произойдут из того, что мы здесь едим: окороков и куриц, почек, говядины и прочего. Нет, сэр, конечно, нет. Они формируются из поглощенных нами сведений, из всего того, что мы познали на первой стадии существования.

– Откуда вам это известно?

---

⁵⁹ Из ничего не происходит ничего (*лат.*). Ррылатое латинское выражение, которое комментаторская традиция возводит к различным источникам – чаще всего к поэме «О природе вещей» (кн. I, ст. 149, 205; кн. II, ст. 287) римского поэта и философа Тита Лукреция Кара (ок. 99–55 до н. э.) и к «Сатирам» (сатира 2, ст. 83) римского поэта Авла Персия Флакка (34–62).

– Сейчас услышите. Однажды со мной произошла интересная история. Рассказывать довольно долго, но раз уж нам предстоит еще пять с половиной часов глядеть друг на друга, дожидаясь прилива и отплытия, то почему бы не скрасить это время, а заодно не помочь вам расцветить крылья, которые будут вам даны? Хотите послушать?

– Больше всего на свете.

– Сначала что-то вроде предыстории, – продолжал Донелли. – Без нее не обойтись, она подводит к тому, что для меня особенно важно.

– Бога ради, пусть будет предыстория, раз она так поучительна.

– Как нельзя более, – заверил он. – Но прежде, чем я начну, передайте мне, пожалуйста, бутылку, если в ней еще что-то осталось.

– Виски больше нет.

– Ну ладно, что поделаешь. Когда я жил в Индии и переезжал с места на место, разбил я как-то где-то палатку. У меня был местный слуга. Забыл его настоящее имя, да оно и не важно. Я всегда звал его Алек. Прелюбопытный был парень, остальные слуги его уважали и побаивались. Считали, он духовидец и имеет связь с потусторонним миром. Он был честен по местным понятиям, то есть не позволял никому меня грабить, но сам, конечно, потихоньку приворовывал. В Индии к этому привыкаешь и перестаешь обращать внимание. Хорошо уже то, что он не позволял другим касать-

ся моего добра. Так вот, как уже было сказано, я разбил палатку на самом, казалось бы, подходящем месте, однако ночью спал очень плохо. Словно бы по мне ползала сороконожка. Утром я пожаловался на это Алеку и велел тщательно осмотреть матрас и землю под палаткой. На лице индуса не дрогнул ни один мускул, но в глазах вроде бы мелькнула какая-то мысль. Тем не менее я тут же об этом забыл. Следующая ночь прошла не лучше, а наутро я обнаружил на своих панджамах⁶⁰ прореху по всей длине. Я позвал Алека, показал ему порванное платье и снова пожаловался на плохой сон. «Ах, сахиб⁶¹, – говорит Алек, – это все проделки Абдул-Хамида⁶², кровожадного негодяя!»

– Простите, – прервал я Донелли. – Неужели он имел в виду нынешнего турецкого султана?

– Нет-нет, не султана, а его тезку.

– Прошу прощения. Но вы упомянули кровожадного негодяя, и мне пришел на ум султан.

– Нет-нет, это другой человек. Если угодно, называйте его другим Абдулом. Но я продолжу.

---

⁶⁰ *Панджамы* – разновидность легких свободных штанов, затягивающихся на шнурок вокруг талии; заимствованный британскими колонизаторами из костюма индийских мусульман, этот предмет одежды позднее эволюционировал в современную пижаму.

⁶¹ *Сахиб* — почтительное обращение к европейцу в колониальной Индии.

⁶² *Абдул-Хамид II* (1842–1918) – турецкий султан в 1876–1909 гг., последний самодержавный правитель Османской империи, заслуживший своей жестокой политикой прозвище Кровавый Султан.

– Еще только один вопрос. Абдул-Хамид – это ведь не индийское имя?

– А я и не говорил, что индийское, – не без раздражения пояснил майор. – Конечно же, он был магометанин.

– Но имя скорее турецкое или арабское.

– За это я не отвечаю, я его не крестил. Я просто повторяю слова Алека. Будете придираться – брошу рассказывать.

– Не примите за обиду, – сказал я. – У меня есть несомненное право проверять качество материала, который пойдет на мои будущие крылья. Продолжайте; больше я не стану перебивать.

– Очень хорошо, условились. Вы подсыхаете?

– Медленно. Солнце печет, но сушит одну сторону.

– Со мной то же самое. Думаю, нам лучше поменяться местами.

Мы осторожно пересели, и каждый водворился на противоположном планшире.

– Готово, – заключил Донелли. – Как там со временем? Мои часы остановились, их залепило илом.

– Мои застряли в жилетном кармане; стану добираться – испачкаю пальцы, а мыть нечем; кларет весь вылили, а виски влили куда надо.

– Ладно, не важно; времени хоть отбавляй, успею все рассказать. На чем бишь я остановился? Ах да, Алек упомянул Абдул-Хамида – не султана, а распоследнего негодяя. Дальше Алек сказал, что и сам обладает острым чутьем на кровь,

даже пролитую сто лет назад, и что моя палатка и постель устроены на том месте, где было совершено самое что ни на есть зверское преступление. А упомянутый им Абдул – преступник, на совести которого этих зверских деяний было видимо-невидимо. Разумеется, своего сиятельного тезку он не переплюнул, но у него и возможности были не те. На том самом месте, где я находился, этот кровавый лиходея разошелся как никогда: убил своих родителей, тетку и собственных детей. Его схватили и повесили. Когда его душа рассталась с телом, нормальным порядком ей полагалось бы войти в оболочку скорпиона или другого вредоносного существа, чтобы, усовершенствовавшись через ряд воплощений, снова достигнуть того уровня, который позволяет родиться в человеческом теле.

– Простите, что перебиваю, – не выдержал я, – но, как я понял, Абдул-Хамид был магометанин, а сыны Пророка не верят в переселение душ.

– Именно этими словами я и возразил Алеку. Но он растолковал мне, что душе после смерти будет дано не по вере, а по велению судьбы: что бы ни предполагал человек при жизни относительно своего будущего состояния, существует лишь одна на всех истина, в чем ему и предстоит убедиться. Это истина индусов, которая заключается в том, что душа переходит со ступени на ступень, чтобы воплотиться в человеке, а далее следует новый, бесконечный цикл реинкарнаций. «Значит, – сказал я, – ночью мне щекотал ребра скор-

пион, в котором воплотилась душа Абдула». «Нет, сахиб, – очень серьезно ответил слуга. – Он был слишком порочен, чтобы, так сказать, осквернить своей пятой хотя бы низшую ступень лестницы существований. Ему было назначено бродить призраком у мест своих преступлений, пока он не найдет кого-то, кто там заснул. У спящего должна быть родинка, а из нее должны расти три волоска. Эти три волоска Абдулу нужно вырвать, посадить на могиле своих последних жертв и полить слезами. Они станут первыми каплями раскаяния, которые позволят ему приступить к первой стадии цикла реинкарнаций». «Выходит, – говорю я, – этот головорез во искупление своих грехов две прошедшие ночи искал на мне родинки? А что ты скажешь про распоротые панджамы?» – «Его работа, сахиб. Наверно, он вас перевернул и ногтями сделал прореху, чтобы поискать на спине вожделенные родинки». – «Надо мне передвинуть палатку, – говорю я. – Чур меня спать и дальше на этом проклятом месте».

Донелли замолк и стал отколупывать с рукава чешуйки ила. Мы начали подсыхать, но одновременно и отвердевать: ил, застывая, превращался в панцирь.

– До крыльев мы все еще не дошли, – заметил я.

– Я к ним подбираюсь, – ответил майор. – Только-только завершил предысторию.

– А, так это была предыстория?

– Да. Имеете что-то против? Это был пролог. Теперь перейду к сути. Приблизительно через год после этого случая я

получил отставку и вернулся в Англию. Что стало с Алеком, я не знал, да мне и дела до него не было. Пошел третий год моей жизни в Англии, и вот шагаю я как-то по Грейт-Расселл-стрит⁶³ и у ворот Британского музея замечаю индуса, по виду вконец продрогшего и потрепанного. При нем лоток с ножными браслетами, ожерельями и прочими безделушками немецкого производства, которые он продает как восточные украшения. Когда я приблизился, он поздоровался, и, приглядевшись, я узнал Алека.

«Каким ветром тебя сюда занесло?» – поразился я. «Сахиб удивлен, оно и понятно, – отвечал Алек. – Я приехал, чтобы поправить свои дела. Прослышал, что в Лондоне есть Общество психических исследований⁶⁴, и подумал, что меня, при моих редкостных способностях, примут с распростертыми объятиями и назначат мне ежегодное содержание, так как я могу непрерывно снабжать их из первых рук самыми доподлинными рассказами о привидениях». – «И что получилось из твоего замысла?» – спрашиваю. «Ничего, сахиб. Я их не нашел. Пробовал спрашивать у подметальщиков перекрестков, но они ничего не знают, а когда я обращался к полицейским, меня гнали прочь: нет, мол, такого

---

⁶³ *Грейт-Расселл-стрит* — улица в лондонском Вест-Энде, в квартале Блумсбери, пролегающая между Тоттенем-Корт-роуд на западе и Саутгемптон-роу на востоке. На ней расположен *Британский музей* – главный историко-археологический музей Великобритании и один из крупнейших музеев мира.

⁶⁴ *Общество психических исследований* — паранаучное общество, основанное в Лондоне в 1882 г. для исследования парапсихологических феноменов.

общества. Я бы умер с голоду, сахиб, если бы не взялся за это занятие». Он указал на лоток. «И как оно, приносит доход?» Алек печально помотал головой: «С гулькин нос, разве что жив. Смотрите-ка, меревиг⁶⁵». – «И сколько этого добра ты сбываешь за день?» – спрашиваю я. «По-разному, сахиб. Бывает больше, бывает меньше, а в целом получается всего ничего. Еле свожу концы с концами. Смотрите, еще меревиг». – «Где делают эти вещицы? В Германии или в Бирмингеме⁶⁶?» – «О, сахиб, откуда мне знать? Я их беру у одного торговца-еврея. Он снабжает нескольких разносчиков. Но я брошу это нестоящее дело, обзаведусь палаткой и стану продавать рахат-лукум. На него всегда спрос. Вы, англичане, охочи до сладостей. Меревиг!» Он указал на невзрачно одетую женщину с ридикилем в руках, которая проходила через крашенные железные ворота. «Что за меревиги такие?» – спросил я. «Неужто сахиб не знает? – На лице Алека выразилось неподдельное изумление. – Пусть сахиб посмотрит в большом читальном зале⁶⁷, там их видимо-невидимо. Это их

---

⁶⁵ *Меревиг* — слово, предположительно восходящее к имени легендарного короля франков, основателя династии меровингов, Меровея, или Меровига (известна также форма Merewig; годы правления – 447/448–457/458).

⁶⁶ *Бирмингем* — в описываемое время город в графстве Уорикшир в Центральной Англии; ныне – административный центр метропольного графства Уэст-Мидлендс.

⁶⁷ ...в большом читальном зале... – Имеется в виду читальный зал Британского музея; с момента своего открытия в 1857 г. и вплоть до переезда библиотеки в 1997 г. в новый корпус зал располагался в находящемся во дворе музея отдельном здании-ротонде.

любимое место в Лондоне, круглый день так и спуют, особенно по утрам. В девять, стоит библиотеке открыться, они уже тут как тут. Большинство сидит целый день, начитывается и начитывается». – «А, так ты об учащихся». – «Они не все учащиеся, но многие. Я узнаю их с одного взгляда. Сахибу известно, у меня дар распознавать духов».

– Кстати, – прервал себя Донелли, – вы по-хиндустани что-нибудь понимаете?

– Ни слова.

– Очень жаль, мне было бы много проще изложить наш с ним разговор на хиндустани. Я владею этим языком как родным, а предмет, о котором дальше пойдет речь, легче трактовать как раз на хиндустани.

– С тем же успехом можете говорить по-китайски. Я не усвою ровно ничего. Обождите минуту. Я растрескиваюсь.

Так оно и было. Солнце основательно высушило мою корку ила. Наверно, я стал походить на старинную картину с потемневшим лаком и сеткой кракелюров⁶⁸. Я встал, потянулся, и на моем панцире образовались разломы. Он растрескался на фрагменты, края которых стали задираться.

– Не слишком спешите с очисткой, – посоветовал Донелли. – Времени у нас в избытке, и я хочу продолжить рассказ.

– Тогда давайте. А когда дойдет черед до крыльев?

– Прямо сейчас. Ну раз уж вы не поймете на хиндустани, постараюсь изложить суть того, что сказал Алек, на расхо-

---

⁶⁸ *Кракелюры* – трещины на лаке.

жем языке. Дам вам резюме. Объяснение индуса свелось к следующему. По его словам, с нами, христианами и белыми людьми, дело обстоит не так, как с чернокожими и желтокожими. После смерти мы не переходим в тела низших животных, и это является великим преимуществом, которое должно нас бесконечно радовать. Мы сразу обретаем более высокую форму существования. У нас вырастают крылья, как у личинки, когда она становится бабочкой. Но в их состав не входит грубая материя. Их формируют, или они формируются, из разнообразных сведений, которыми мы обогатили свой ум за время жизни. Пребывая здесь, в смертной оболочке, мы в большом количестве накапливаем всевозможные знания – естественно-научные, исторические, философские и прочие, – которые составляют, так сказать, психическую массу. Далее, через процесс сокровенный, загадочный и совершенно необъяснимый она преобразуется в наши будущие крылья. Чем больше мы накопили, тем больше будут крылья; чем разнообразней состав, тем ярче и пестрее их окраска. Но если мозг умершего пуст, откуда взяться крыльям? Из ничего ничто не возникнет. Таков закон природы, его не обойти. Вот почему, друг мой, вам не придется сетовать на свое нынешнее пребывание в грязи. Я снабдил вас таким обилием новых ценных знаний, что, пожалуй, вашему убору позавидует любой павлин.

– Премного вам обязан, – проговорил я, трескаясь от избытка благодарности на тысячу фрагментов.

Донелли продолжил:

– Рассказ Алека так меня увлек, что я предложил ему: «Пойдем со мной в зал Ниневии, там мы сможем обсудить это дело подробнее». «Ах, сахиб, – ответил он, – меня туда не пустят с лотком». – «Хорошо, тогда найдем ступеньку перед портиком, не слишком обсиженную голубьями, и устроимся там». Он согласился. Привратник, однако, преградил индусу дорогу, ссылаясь на то, что на территории музея запрещена торговля. Я объяснил, что торговать мы не собираемся, наша цель – обсудить вопросы психологии. Это вроде бы убедило стража, и он позволил Алеку пройти со мной в ворота. Выбрав на лестнице место почище, мы уселись рядышком, и индус заговорил снова.

Мы с Донелли быстро высыхали. Сидя друг напротив друга, мы напоминали, наверно, шоколадных человечков в кондитерской – только, разумеется, много крупнее и цвета не такого приятного, да и запах от нас исходил не столь соблазнительный.

– На каменной лестнице, – продолжал Донелли, – я почувствовал, как по моему организму распространяется холод, меж тем после возвращения на родину у меня уже раза два прихватывало поясницу. Я поднялся на ноги, вынул из кармана «Стандард»⁶⁹ и сложил, сделав прокладку между собой

---

⁶⁹ «Стандард» – ежедневная лондонская газета, основанная в 1827 г.; с 1859 г. под таким названием начала выходить утренняя газета, вечерняя же стала называться «Ивнинг стандарт».

и ступенькой. Притом я позаботился вытащить внутренний лист с передовыми статьями и предложить Алеку для той же цели. Восточные люди неспособны ценить любезность; среди их добродетелей благодарность не числится. Однако невежественный язычник не отнесся равнодушно к этому проявлению заботы. Губы его дрогнули, и он сделался еще более говорлив, хотя это и трудно представить. Легонько толкнув меня в бок лотком, он сказал: «Еще меревиг идет. Интересно, почему она так рано уходит?» Я увидел средних лет женщину в сером засаленном платье; с юбки петлей свисала неподшитая тесьма. «Кто они, эти меревиги?» – спросил я. Перекажу его ответ своими словами. На всех мужчин и женщин (я говорю только о европейцах и американцах) возложена, в их же интересах, моральная обязанность на первом этапе жизни наполнить свой мозг всеми премудростями, какие он способен вместить; из этого материала будут составлены на втором этапе их крылья. Чем более разнообразен этот запас, тем, разумеется, лучше. Мужчины набираются знаний волей-неволей. Даже если они почти ничего не вынесут из школы, им так или иначе придется пополнить свое хранилище в юношеском возрасте – для хлыщей, которые вообще не способны учиться, я, конечно, делаю исключение. Даже спорт и охота кое-что дают, а уж о бизнесе, общении, путешествиях и говорить нечего. В общей беседе, как вы понимаете, сведения притекают к тебе сами; политика, социальные вопросы, естественная история, научные открытия – все

это составляет основу разговора, и копилка мозга у мужчины непременно заполняется. Но с женщинами дело обстоит иначе. Юные девы не читают ничего, кроме романов, – с тем же успехом можно питаться мыльными пузырями. Между собой они не разговаривают, а пустословят.

– Однако же, – возразил я, – в нашем цивилизованном обществе молодые женщины свободно общаются с мужчинами.

– Верно. Но чем ограничиваются такие диалоги? Зубокальством, легковесными шуточками. Мужчины не говорят с девицами ни о чем осмысленном, зная, что собеседницу подобные предметы не заинтересуют, она попросту неспособна о них думать. Часто слышишь вопрос, почему многие англичане предпочитают брать в жены американок. Да потому, что американские девушки не ленятся развивать свой ум и женщины из них вырастают разумные, хорошо образованные. Такая жена способна разделять интересы мужа, беседовать с ним едва ли не обо всем. Она становится другом и соратником. Современная английская девица этого не умеет. Голова у нее пустая, как барабан. Если девица, повзрослев, выйдет замуж или даже останется старой девой, положение поменяется: она начнет разводить птицу, пристрастится к садоводству, приобретет массу познаний касательно нравов и обычаев домашней прислуги. Получается, что огромное большинство молодых англичанок, умерших в юности, не успевают накопить в мозгу материал для будущих кры-

льев. На стадии личинки они не потребили пищи, необходимой, чтобы подняться на более высокую ступень.

– Выходит, – сказал я, – мы все, не исключая вас и меня, находимся на той же, что и девицы, стадии – то есть мы личинки.

– Так и есть, мы тоже личинки, но они личинистей. Но что дальше? Когда девицы умирают, не успев приобрести достаточный умственный багаж, они, понятно, не могут переродиться. Они становятся меревигами.

– А, так вот оно что, – удивился я.

– Да, но эти меревиги при мне выходили из Британского музея или входили туда, чтобы осмотреть коллекции или поработать в читальном зале, и я заметил, что они по большей части немолодые.

– И как вы это объясняете?

– Я всего лишь пересказываю слова Алека. Есть и мужчины-меревиги, но они встречаются редко – причину я уже указал. Думаю, на сотню меревигов приходится один мужского пола.

– Я поражен.

– Я тоже был поражен, когда узнал это от Алека. А теперь послушайте еще. Каждое утро в четыре часа, а вернее за несколько минут до звона часов, у статуи королевы Анны перед собором Святого Павла⁷⁰ собираются души всех англий-

---

⁷⁰ *Собор Святого Павла* – старинный (основан в VII в.) кафедральный собор в лондонском Сити, главный собор Англиканской церкви. Неоднократно страдав-

ских девиц, которые в последние двадцать четыре часа умерли с пустой головой; иногда среди них встретишь души одного-двух хлыщей. При первом ударе колокола весь этот рой устремляется по Оксфорд-стрит⁷¹ на Холборн-хилл⁷², куда именно – не знаю. Алек рассказывал, что больше всего они похожи на армию крыс в сточной трубе.

– Но что может знать индус о подземном мире Лондона?

– Алек знает, потому что подружился со своим соседом по дому, который служит при коллекторе.

– И вам неизвестно, куда направляется этот стремительный легион?

– Точно не знаю, потому что Алек не был уверен. Но он говорил, что их цель – большая гардеробная, где хранятся невостребованные женские тела. Облекшись ими, души смогут восполнить прошлые упущения, приобрести знания, из которых составятся крылья. Конечно, за тела происходит борьба, ведь претенденток бывает полдюжины и больше. Сначала им выдавали бесхозные оболочки старых дев, но запаса решительно не хватало, и в дело пошли замужние женщины и вдовы. Без ропота, разумеется, не утряслось, но

шее за свою историю от пожаров и фактически возводившееся заново, здание собора подверглось в 1675–1711 гг. радикальной реконструкции, осуществленной по проекту известного английского архитектора Кристофера Рена (1632–1723).

⁷¹ *Оксфорд-стрит* – оживленная торговая улица в лондонском Вест-Энде, в боро (административном округе) Вестминстер, идущая с запада на восток от Тоттенем-Корт-роуд к Мраморной арке.

⁷² *Холборн-хилл* – холм в районе Холборн лондонского боро Кэмден.

не до жиру – быть бы живу. Так они становятся меревигами. Вешалки ломаются от оболочек старых холостяков, но девицы наотрез от них отказываются. Теперь вам понятно, что это за меревиги и почему их видимо-невидимо в читальном зале Британского музея. Они набираются знаний так стремительно, как только могут.

– Это в высшей степени интересно, – признал я, – и ново.

– Я ожидал от вас таких слов. Как идет просушка?

– Пока вы говорили, я обдирал с себя кусок за куском.

– Надеюсь, вам было интересно.

– Интересно – не то слово.

– Рад, что вы так думаете, – сказал майор. – Во время разговора с Алеком меня настолько переполняло любопытство, что я предложил ему пойти вместе в читальный зал, где он, благодаря своему дару распознавать духов, укажет мне присутствующих там меревигов. Но Алек напомнил мне о лотке и пожаловался вдобавок, что время идет, а его торговля стоит. На это я вызвался купить у него полдюжины ножных браслетов, чтобы дарить знакомым дамам; полученные из рук путешественника по Востоку, они сойдут за подлинные...

– Не менее ваших приключений, – вставил я.

– Что вы этим хотите сказать? – осведомился он резко.

– Всего лишь то, – объяснил я, – что нынешние женщины любят все подвергать сомнению.

– Это верно. Недоверчивый народ, и чем дальше, тем ху-

же. Что касается лотка, я разрешил и эту трудность, предложив Алеку сдать его на хранение одному из служащих музея. Он не возражал. Пройдя вращающуюся дверь, мы оставили лоток у служителя, который присматривает за зонтиками и тросточками. Вместе с индусом я поспешил в читальный зал, но возникло еще одно препятствие. У Алека не было читательского билета, и путь за стеклянную перегородку между дверью и столами был для него закрыт. Долго стоять у перегородки ему бы тоже не позволили, но с помощью небольшого аргумента я убедил служащего сделать послабление. «Сахиб, – предложил Алек, – лучше бы вам пометить меревигов, чтобы потом вы их узнали где угодно». «А как это сделать?» – спросил я. «У меня есть при себе мелок. Вы, сахиб, пройдете в зал и станете разгуливать между столиками, за стульями читателей, вдоль циркульных шкафчиков с каталогами и у шкафов с литературой. Когда окажетесь рядом с женщиной, сидящей или стоящей, посмотрите на меня, и если это будет меревиг, я махну вам поверх перегородки – мол, это она. Тогда вы мелком нарисуете у нее на спине W, или M, или другую букву, или значок. Потом, встретив меревига на улице, в компании, в закусочной, на железнодорожной платформе, вы безошибочно его узнаете. «Вот уж вряд ли, – возразил я. – Придя домой, она наверняка скистит отметку щеткой». – «Вы совсем не знаете меревигов. Когда души этих ветрениц проживали первую стадию существования, ничто не заботило их так, как внешний вид: аккуратная,

модная одежда, пышные прически. Но теперь все иначе. Им так противны бесхозные тела, полученные в гардеробной – обычно некрасивые, немолодые, без намека на талию, вернее с расплывшейся, без намека на изящество, талией, – что куда уж думать о том, хороша ли и опрятна ли одежда. Кроме того, они полностью поглощены учением, их главное желание – как можно скорее выбраться из этих заимствованных оболочек. А потому, если они хоть как-то одеты и хоть немного причесаны, то сверх того ничего и не требуется. Нитка, пушинка, меловая отметка на платье – они этого даже не заметят». Алек протянул мне мелок, какими пользуются портные во время примерки. И я во всеоружии ступил во внутреннее пространство обширного читального зала, оставив индуса за перегородкой.

Я медленно прошелся вдоль первой линии столов и стульев, сплошь занятых читателями. Там было полно мужчин, перед ними громоздились стопки книг. Было и несколько женщин. За спиной у первой я повернул голову к перегородке: Алек знака не подал. Когда дошло до второй, он наконец махнул, и я мимоходом пометил буквой М склоненную над книгами спину. К тому же мне хватило времени подсмотреть, чем женщина занята. Предметом ее интереса была эхолокация, начиная с баллады Шиллера «Ныряльщик»⁷³ и до

---

⁷³ «Ныряльщик» (1797, опубл. 1798; в рус. перев. В. А. Жуковского – «Кубок») – знаменитая баллада немецкого поэта Иоганна Кристофа Фридриха фон Шиллера (1759–1805), написанная им в творческом состязании с И. В. фон Гёте.

новейших научных исследований дна Атлантического и Тихого океанов и дноуглубительных работ в Северном море. Дама по уши ушла в работу, стремительно поглощая факт за фактом. Я дал бы ей лет сорок; цвет лица у нее был нездоровый, нос бесформенный, ручки громадные. Серое платье плохо сидело, обувь выглядела еще хуже. Небрежно расчесанные волосы были собраны в пучок, из которого торчали шпильки. Эту спину я миновал, следующие места были заняты джентльменами, так что я перешел к другому ряду столов и, обернувшись, увидел поднятую руку Алека. Передо мной сидела молодая леди в фетровой шляпе с примятым верхом и торчавшим сбоку пером. Жакет ее походил на тужурку с большими пуговицами из дымчатого перламутра, под ним виднелось тускло-зеленое, слишком короткое платье, на ногах коричневые ботинки. Волосы были стрижены коротко, как у мужчины. Когда я остановился, женщина обернулась. Холодные карие глаза, похожие на камешки, смотрели отчужденно и недоброжелательно. Не знаю, на счет чего это отнести: заемного тела или вселившейся в него души; инструмента или психической силы, этим инструментом управлявшей. Я просто констатирую факт. Я заглянул женщине через плечо, чтобы узнать род ее занятий: она усердно штудировала Герберта Спенсера⁷⁴. Пометив ее спину буквой W, я двинулся дальше. Следующий меревиг у меня на пути оказался

---

⁷⁴ Герберт Спенсер (1820–1903) – английский философ-позитивист, социолог, антрополог.

высохшей престарелой леди с седыми буклями, в одежде старомодной и сильно поношенной. На пальцах виднелись чернильные пятна, не только свежие, но и застарелые. Лицо тоже было в чернилах: очевидно, женщина почесала испачканным пальцем нос. Она изучала сведения о пэрах. Перед ней лежали Дод, Бёрк и Фостер⁷⁵, и из них она извлекала аутентичные родословные наших благородных фамилий и их побочных ветвей. У нее, да и у других меревигов, я заметил характерную черту: заглотнув известное количество информации, они вскидывали голову, как птицы после питья.

Далее мне попалась очень тощая дама, возраст которой я не смог определить. Остроносенькая, одетая в красное, она походила на палочку сургуча. Платье, в свое время, вероятно, вполне добротное и нарядное, было прорвано сзади и зашито, сквозь прореху виднелась другая ткань. Оборку, или рюш, вокруг шеи не меняли, наверное, недели три. Я изобразил мелком у нее на спине вопросительный знак. Очень хотелось выяснить, что она изучает, но не удалось. Она обернулась и недовольно спросила, с какой стати я дышу ей в затылок. Пришлось двинуться дальше. Следующей была леди в очках, одетая вполне прилично, но в самые скучные цвета. Подозреваю, на ней была юбка-брюки⁷⁶, но не уверен, по-

---

⁷⁵ Чарльз Роджер Фиппс *Дод* (1793–1855), Джон Бернард *Бёрк* (1814–1892), Джозеф *Фостер* (1844–1905) – британские исследователи, авторы трудов по генеалогии.

⁷⁶ *Юбка-брюки* – гибрид юбки и брюк клёш, вошла в женский гардероб в 1830-х гг. как элемент спортивного костюма, позднее перешла в категорию повседнев-

сколькy она не вставала. Я никогда не утверждаю ничего, в чем не уверен абсолютно. Свое внимание она посвятила земельному законодательству в различных странах мира – вопросам общинных земель и частной собственности на землю; в данную минуту ее особенно занимали русский «мир»⁷⁷ и общинное землевладение. Начертив на ее спине зодиакальный знак Венеры – Деву⁷⁸, я пошел дальше. Когда число помеченных достигло семнадцати, мне это надоело. Я дошел уже до L, начав с конца алфавита, и решил, что пора поставить точку. Я вернулся к Алеку, заплатил за браслеты, и мы расстались. Но прежде я дал ему письмо к секретарю Общества психических исследований, адрес которого выяснил в читальном зале Британского музея по лондонскому адресному справочнику. Через два дня мы, как было условлено, снова встретились с моим индийским приятелем, и эта встреча была последней. Как Алек и опасался, в Обществе его не приняли, и он подумывал при первой же возможности возвратиться в Индию.

Любопытно, что через несколько дней я увидел в метро одну из помеченных дам. Надпись мелом была по-прежнему вполне различима. Дама ехала в другом купе, но я заметил ее, когда она выходила на станции Бейкер-стрит. Подозре-

---

ной одежды.

⁷⁷ «*Мир*» — община (в оригинале «*mir*» – транскрибированное латиницей русское слово).

⁷⁸ ...зодиакальный знак Венеры – Деву... – По-видимому, авторская ошибка: в системе Зодиака Дева соотносится с планетой Меркурий.

ваю, что она направлялась на выставку восковых фигур мадам Тюссо⁷⁹, дабы там обогатить свой ум. Неделю спустя, когда я был в Сент-Олбансе⁸⁰, мне повезло больше. Я навещал там своего дядю, с которым связывал некоторые надежды на будущее. В городе была назначена лекция про спектроскоп⁸¹, а поскольку мои знания об этом замечательном новейшем изобретении были ограничены, я решил пойти. Доводилось ли вам, друг мой, интересоваться фотосферой Солнца?

– Никогда.

– В таком случае позвольте мне вас просветить. Правильно усвоенные, эти сведения дадут обильный материал для крыльев. Факт поражает до глубины души: находясь на громадном расстоянии от солнечной орбиты, мы способны различить раскаленные металлы, входящие в состав светящейся оболочки Солнца. Мало этого, по полосам спектра можно узнать состав Юпитера, Сатурна и прочих планет. Как далеко шагнула астрономия со времен Ньютона!

---

⁷⁹ ...выставку восковых фигур мадам Тюссо... – Имеется в виду знаменитый музей восковых фигур в лондонском районе Мэрилебон, основанный в 1835 г. французским скульптором Мари Тюссо (урожд. Анна Мария Гросхольц; 1761–1850) и имеющий филиалы в 19 городах мира.

⁸⁰ *Сент-Олбанс* — старинный городок на юге графства *Хартфордшир*, в 30 км к северу от Лондона, на берегу р. Вер, расположенный на месте древнеримского города Веруламия.

⁸¹ *Спектроскоп* — оптический прибор для визуального наблюдения спектра излучения; используется для быстрого качественного спектрального анализа веществ в химических, металлургических, астрономических и других исследованиях.

– Не сомневаюсь. Но мне бы хотелось услышать не о полосах спектра, а о меловых пометках на меревигах.

– Да, в ряду передо мной сидели две дамы в летах, а на их спинах виднелись мои значки, такие четкие, словно бы я нарисовал их вчера. Поговорить с дамами не удалось, так как, не будучи представлен, я не мог к ним обратиться. Но через неделю или две мне выпала удача. Хартфордским археологическим обществом был организован симпозиум длительностью в неделю, с экскурсиями по веруламским древностям и прочим достопримечательностям графства. Хартфордшир – графство небольшое. Собственно, из самых маленьких в Англии, но что посмотреть там найдется, не говоря уже об освященной веками монастырской церкви, над которой так жутко надругались невежественные псевдореставраторы. Остается надеяться, что следующее поколение, более грамотное, нежели наше, устранил последствия преступного вмешательства, исказившего облик постройки. Местные администраторы позаботились о транспорте – шарабанах⁸² и колясках, – и специалисты по древностям (истинные или мнимые) взялись служить экскурсоводами. Были запланированы три вечерних собрания с чтением докладов. Как понимаете, это была бесценная возможность пополнить свой умственный багаж, и я, зная то, что знаю, не мог ею не вос-

---

⁸² *Шарабан* (фр. char à bancs – повозка с деревянными скамьями) – тип открытой двух- или четырехколесной повозки с поперечными сиденьями, появившийся во Франции в начале XIX в. и использовавшийся для прогулок и загородных поездок.

пользоваться. Я записался на все экскурсии. В первый день нас водили по старинному римскому Веруламию, показывали его план и стены, а также место, где британский первомученик переправился через реку, и холм, где он принял кончину⁸³. Ничего интересней и познавательней я себе просто не представляю. Среди экскурсантов были три немолодые особы дамского пола, все с меловыми отметинами на спине. Один знак был отчасти стерт, словно хозяйка платья попыталась отчистить его щеткой, но, прискучив, не довела дело до конца. У двух других знаки оставались четкими.

В первый же день я стал подбираться к этим меревигам, но не сумел втереться к ним в доверие настолько, чтобы затеять беседу. Вы же понимаете, друг мой: грех было бы не выведать у меревигов что-то из их опыта. Второй день оказался более удачным. Я ухитрился занять место в коляске между двумя из них. Поездка ожидалась длительная – к церкви, весьма интересной как памятник архитектуры.

У любителей древностей возникает в поездке некая общность; чтобы затеять разговор, не требуется быть представленными друг другу по всей форме. К примеру, вы можете спросить соседку: «Я вас не стесняю?», и вот лед тронулся. Тем не менее сперва я ничего у соседок не выпытывал, а подождал окончания роскошного обеда с шампанским – этим

---

⁸³ ...место, где британский первомученик переправился через реку, и холм, где он принял кончину. – Речь идет о святом Альбане Веруламском (ум. 305) – первом британском христианском мученике, в честь которого названы город и аббатство Сент-Олбанс.

щедрым угощением Общество было обязано состоятельному джентльмену, к дому которого мы подъехали как раз к часу дня. Шампанское лилось рекой, и я не стал себя ограничивать. Нужно было набраться куража, перед тем как заговорить с попутчицами на тему, остро меня занимавшую. И вот по завершении обеда, когда мы, разгоряченные, вернулись в коляску, я обратился к соседке справа: «Боюсь, мисс, до ангельской стадии вам еще расти и расти?» Ничего не ответив, она резко отвернулась. Несколько смущенный, я спросил соседку слева, тоже помеченную мелом: «У вас в голове одна археология или там осталось место для чего-то еще?» Вместо того чтобы на мой любезный вопрос дать столь же любезный ответ, она, сделав вид, что меня не существует, затеяла оживленный обмен мнениями с соседкой напротив. Я не заслуживал такого обращения. Мне хотелось удовлетворить свое любопытство. С другой стороны, я мог понять обеих дам. Меревиги не любят рассуждать о прежней стадии своего существования, которой стыдятся, а равно и о своих трудах на переходной стадии, когда они набираются знаний, чтобы наконец избавиться от заимствованных тел и обрести крылья, которые вознесут их к более совершенному состоянию.

Мы выбрались из коляски, чтобы осмотреть примечательные надгробия приблизительно в миле от дороги; идти предстояло по раскисшим, истоптанным тропам. Передвигаться пешком никому не хотелось, однако ближе было не подъехать. Пошли одни энтузиасты, и я в их числе. Дополни-

ным стимулом послужило мне то, что третья из меревиггов – та, что частично отчистила мел, – подобрала юбки и зашагала вперед. Я поспешил следом и догнал ее. «Прошу прощения, – сказал я. – Вы должны извинить мой интерес к древностям, но я предполагаю, с тех пор, когда вы были девицей, прошла уже целая вечность?» Смысл сказанного был очевиден: я ссылался на ее прежнее существование, отнюдь не в нынешнем заимствованном теле. Однако же она застыла на месте, окинула меня испепеляющим взглядом и, отступив назад, присоединилась к основной группе пешеходов. Ха, друг мой, а лодка-то, похоже, всплывает! Начался прилив.

– Начался, – кивнул я и потом добавил: – В самом деле, майор Донелли, эта история должна стать известной не только узкому кругу ваших близких приятелей.

– Верно, – согласился он. – Я хотел предать ее огласке, но меня остановило то, как принял, а скорее, отверг Алека секретарь Общества психических исследований.

– Но я не предлагаю, чтобы вы рассказали ее Обществу психических исследований.

– Кому же тогда?

– Да своей бабушке!

Луиза Болдуин

Настоящий и поддельный

Уилл Масгрейв решил не встречать Рождество в одиночестве, однако очередной семейный праздник на юге Франции, с родителями и сестрами, тоже не входил в его планы. Что ни год, семейство Масгрейвов покидало свой дом в Нортумберленде⁸⁴ и мигрировало на юг, и что ни год, Уилл целый месяц проводил с ними на Ривьере⁸⁵, пока окончательно не забыл, что такое настоящее английское Рождество. Наконец он взбунтовался: уезжать за границу как раз в то время, когда дома при теплой погоде можно охотиться, а в холода кататься на коньках? Никакая нужда, ни реальная, ни воображаемая, не заставляла его зимовать на юге. Хворей он не знал, на легкие ни разу в жизни не жаловался. Едва задует пронзительный восточный ветер, родители по самые уши укутывались в меха и начинали пересчитывать у себя во рту зубы, так как каждый ныл по-особому, отдельно от других, у стойкого же к непогоде Уилла только ярче вспыхивал румянец

---

⁸⁴ *Нортумберленд* — графство на северо-востоке Англии.

⁸⁵ *Ривьера* — француско-итальянское побережье Лигурийского моря от *Канн* на западе до *Специи* на востоке.

и блестяли глаза. Решено, в Канны⁸⁶ он не поедет, но будет до поры до времени помалкивать, чтобы не сердить отца с матерью и не разочаровывать сестер.

Ему ли не знать, как в письме к матушке объяснить свое дезертирство обстоятельствами столь необоримыми, что сыну Адама остается только покорно склонить голову. На это решение, несомненно, повлияли мысли об охоте или о катании на коньках (как уж распорядится судьба). Кроме того, Уилл с давних пор лелеял идею пригласить к себе двоих своих друзей по колледжу, Хью Армитиджа и Хорэса Лоли, и потому в письме содержалась просьба, чтобы им было разрешено вместе провести в Стоункрофте⁸⁷ две недели; куратор, мол, положительно настаивал на том, что ему необходима небольшая разрядка.

– Дорогой мальчик, – ласково вздохнула матушка, прочитав это послание. – Надобно похвалить его в письме за твердость и решительность.

Мистер Масгрейв, однако, отозвался на слова супруги не кивком, а недоверчивым хмыканьем и добавил от себя:

– Да они там весь Стоункрофт с ног на голову перевернут без присмотра, эти три сорванца! К нашему приезду все лошади как пить дать охронеют.

---

⁸⁶ *Канны* — город на юге Франции, один из наиболее известных курортов Лазурного берега.

⁸⁷ *Стоункрофт* – по-видимому, каменное строение, известное сегодня как дом отдыха «Стоункрофт», в 500 м от селения Гилсленд, расположенного на границе графств Нортумберленд и Камбрия.

Рождество Уилл Масгрейв встретил с Армитиджами, в их доме под Рипоном⁸⁸. На следующий день были устроены танцы, и он радовался так, как можно радоваться только в ранней юности, когда балы еще не приелись и кажется, всю жизнь бы прокружился в вальсе, обвив рукой талию хорошенькой партнерши. А еще через день Масгрейв с Армитиджем отправились в Стоункрофт, по пути подхватили Лоли и втроем добрались до места назначения поздно вечером, веселые, как птицы, и голодные как волки. После долгого путешествия в непогоду, под восточным ветром, загонявшим во все трещины и щели сухой, колючий снег, Стоункрофт показался им самым желанным и уютным убежищем на свете. Гостеприимно распахнутая парадная дверь вела в холл с дубовыми панелями, в камине весело пылал огонь, а света от ламп хватало, чтобы рассеять тени даже в самых дальних углах. Прямо на пороге, не дав друзьям времени отряхнуть пальто, Масгрейв расцеловал обоих под омельой, отчего жавшиеся к стенке слуги потихоньку захихикали⁸⁹.

– Вот бы на ваше место представительниц прекрасного пола, – проговорил он, со смехом отталкивая приятелей, – но раз повешена омела, грех ею не воспользоваться. Баркер, на-

---

⁸⁸ *Ripon* — городок в графстве Северный Йоркшир, в 20 км севернее Хэррогейта.

⁸⁹ ...расцеловал обоих под омельой, отчего... слуги потихоньку захихикали. – Поцелуй в Рождество под веткой омелы, даже между незнакомыми людьми, согласно старинному английскому поверью дарует вечную любовь и неизбежно ведет к браку; отсюда – комизм ситуации, изображенной в рассказе.

деюсь, ужин уже ждет, причем горячий и основательный, а то мы в дороге так проголодались, что самим страшно. – И он повел друзей наверх, в их комнаты.

– Галерея – просто загляденье! – воскрился Лоли, когда приятели вошли в длинный широкий коридор с окнами и с множеством дверей, украшенный картинами и лепными арматурами.

– Да, она у нас в Стоункрофте особенная, – пояснил Масгрейв. – Тянется по всей длине дома от современного крыла до заднего, очень древнего – оно построено на фундаменте цистерцианского монастыря⁹⁰, который здесь некогда стоял. Ширины хватило бы для кареты с парой лошадей; можно сказать, это главный проезд в доме. При плохой погоде матушка прямо тут совершает моцион: наденет шляпку и воображает, будто прогуливается на свежем воздухе.

Внимание Армитиджа привлекли картины на стенах, прежде всего портрет в натуральную величину: молодой человек в голубом кафтане, с пудреными волосами, сидит под деревом, а у его ног лежит охотничья собака.

– Твой предок? – Он указал на картину.

– Все они чьи-то предки, и, надо сказать, компашка подобралась пестрая. Вот вам с Лоли развлечение: определите, от

---

⁹⁰ ...на фундаменте цистерцианского монастыря... – Цистерцианцы – католический монашеский орден, ответвление бенедиктинского ордена, возникшее в конце XI в. и возглавленное в 1115 г. теологом-мистиком Бернаром Клервоским (1090–1153). В эпоху своего процветания (XII–XIII вв.) цистерцианцы были самым богатым и влиятельным среди католических орденов.

кого я унаследовал свою красоту. Миловидный юноша, которого ты с таким восхищением рассматриваешь, приходится мне прапрадедом. Умер в двадцать два – для предка рановато. Но давай живее, Армитидж, картинами ты успеешь налюбоваться при дневном свете, а сейчас я должен показать вам ваши комнаты. Вижу, устроили нас удобно, по соседству. Помещения у нас наилучшие, выходят в галерею, а мы уже добрались до самого конца. Твои апартаменты напротив моих, ваши с Лоли комнаты соединены дверью, так что, дети мои, воспользуйтесь ею, если вдали от дома вам станет страшно или одиноко.

Попросив друзей не мешкать, Масгрейв с веселым свистом удалился к себе.

На следующее утро все за окном было белым-бело. Землю накрыл толстый слой прекрасного, сухого, как соль, снега, а налитое свинцом небо сулило в скором времени новый снегопад.

– Хорошенькие дела, – произнес Лоли после завтрака, стоя, руки в карманах, у окна. – Засыплет весь лед – и никаких тебе коньков.

– Охоте на диких уток снег не помешает, – утешил его Армитидж, – и вот что, Масгрейв, снаряжим-ка сани. Вон там, наверное, был прежде санный спуск. А снег пусть валит хоть сутки напролет – имея санки, мы в любом случае не соскучимся.

– Отличная мысль, Армитидж, – восхитился Масгрейв.

– Да, но для настоящего катанья нужно иметь две горки и между ними небольшую впадину, – вмешался Лоли. – Иначе проедешься по склону, вроде как от храма Богоматери Горы в Фуншале⁹¹, а потом карабкайся назад да еще санки тяни. Не то удовольствие.

– Придется обойтись тем, что есть, – заметил Армитидж, – пойдем посмотрим, не найдется ли для катанья местечка по-лучше, и поищем что-нибудь взамен санок.

– Чего уж проще – взять пустые ящики от вина и крепкие трости, чтобы править.

И юноши в сопровождении своры радостно тьякавших собак поспешили наружу.

– Ух ты! Если снег не подтает, можно будет выбрать кресла попрочнее, поставить их на полозья и отправиться в Гартсайд к Харрадайнам – покатать девушек на салазках! – крикнул Масгрейв Армитиджу и Лоли, которые опередили его, тщетно пытаясь угнаться за шотландской борзой, державшейся впереди всех.

После долгих и тщательных розысков они обнаружили как раз такое место, какое требовалось; их друзья немало бы повеселились, наблюдая, на какие труды их подвигла мысль о предстоящем удовольствии. Четыре часа они работали как проклятые, готовя дорожку для санок. Они отбра-

---

⁹¹ *Фуншал* — главный город и морской порт острова Мадейра (Португалия). *Храм Богоматери Горы* (Носса-Сеньора-ду-Монти), возведенный в 1818 г., расположен на горе Монти в 2 км к востоку от города.

сывали снег мотыгами и лопатами и ровняли землю, чтобы, когда ее покроет свежим снегом, образовался крутой спуск: стремительно с него скатившись, санки по инерции взлетят на противоположную горку, и так, пока не застрянут где-нибудь в сугробе.

– Если мы успеем сегодня соорудить трассу, – Лоли откинул в сторону лопату земли, – завтра ею можно будет пользоваться.

– Да, и потом она будет служить вечно, – проговорил Армитидж, весело долбя киркой мерзлую каменистую почву и одновременно ухитряясь не потерять равновесие на склоне. – Хорошей работе сносу не бывает; потомки еще помянут нас добрым словом за превосходную трассу.

– Потомки – быть может, но вот мои предки – вряд ли, особенно если отцу случится здесь поскользнуться, – заметил Масгрейв.

Закончив работу, приятели преобразились из землекопов в джентльменов и под густым снегопадом отправились в Гартсайд навестить своих соседей Харрадайнов. После духоподъемных трудов, разгоряченные, в прекрасном настроении, они получили особое удовольствие от чая и живой беседы. В Стоункрофт они вернулись не раньше чем заручились от девушек обещанием, что в назначенное время те явятся с братьями, чтобы в винных ящиках, которые для такого случая будут благоустроены подушками, опробовать научно подготовленную трассу.

Поздно вечером юноши собрались в библиотеке за сигаретами и беседой. Они успели досыта наиграться в бильярд, потом Лоли, аккомпанируя себе на банджо, пел сентиментальные романсы, пока не утомил не только слушателей, но даже самого себя. Армитидж сидел, откинув свою белокурую кудрявую голову на спинку кресла, и потихоньку попыхивал сигарой. Он первым прервал овладевшее их тесным кружком молчание.

– Масгрейв, – проговорил он внезапно, – для полноты картины в старинном доме должны непременно водиться призраки. Ты просто обязан иметь в Стоункрофте хоть какое-нибудь привидение.

Заинтересовавшись, Масгрейв захлопнул только что открытый роман в желтой обложке.

– А как же, дружище, оно у нас имеется. Но только со времен моего деда его никто из домашних не видел. Это моя заветная мечта – свести личное знакомство с нашим фамильным привидением.

Армитидж засмеялся. Но тут вмешался Лоли:

– Если бы ты по-настоящему верил в духов, ты бы никогда такого не сказал.

– Я верю в них всей душой, но, естественно, желал бы подкрепить свою веру свидетельством собственных глаз. А ты, вижу, тоже в них веришь.

– Тогда ты видишь несуществующее, а значит, близок к тому, чтобы узреть призраков. Нет, я вот что об этом ду-

маю, – продолжал Лоли. – Я далек как от веры в духов, так и от полного неверия. Пусть меня убедят. Многие вполне здравые люди в призраков верят, другие, не менее здравые, в них не верят. Моя же позиция состоит в том, что существование призраков не доказано. Не исключаю, что они в самом деле бродят по земле, но, пока не удостоверюсь на собственном опыте, я отказываюсь вносить в свою жизненную философию столь сомнительный тезис, как вера в привидений.

Масгрейв молчал, но Армитидж громко рассмеялся.

– Вас двое против одного, так что я остался в меньшинстве. Масгрейв не скрывает, что верит в привидений, ты – настроен нейтрально, ни за ни против, и готов воспринимать доводы. Я же – решительный скептик во всем, что касается сверхъестественного. Несомненно, расстроенные нервы могут сыграть с человеком любую шутку, и потому меня ничто не поколеблет: даже если мне выпадет счастье встретиться сегодня с фамильным призраком Масгрейва, на мой скептический настрой это никоим образом не повлияет. Кстати, Масгрейв, ваш семейный призрак – леди или джентльмен? – фамильярным тоном осведомился Армитидж.

– Не думаю, что ты заслуживаешь ответа.

– Неужели тебе неизвестно, что привидения пола не имеют? – вмешался Лоли. – Привидение – всегда *оно*, как мертвое тело.

– Для человека, далекого как от веры, так и от неверия в духов, ты располагаешь подозрительно точными сведения-

ми. Откуда ты их почерпнул, Лоли?

– Если ты не готов судить о каком-либо предмете, означает ли это, что ты не можешь располагать о нем подробными сведениями? Единственный логически мыслящий человек в нашей компании – это я. Масгрейв верит в духов, хотя ни разу их не видел, ты утверждаешь, что не веришь и не поверишь, даже если с одним из них столкнешься, – не больно мудрое, по мне, суждение.

Мне для собственного спокойствия совсем не обязательно иметь на этот счет определенное мнение. В конце концов, нужно только немного потерпеть: если духи в самом деле существуют, каждый из нас в свое время делается духом и тогда, если не найдется лучшего занятия и нам не запретят подобное недостойное шутовство, мы сможем снова появиться на сцене, чтобы наводить страх на наших оставшихся в этом мире друзей – равно верящих в духов и не верящих.

– Тогда, Лоли, я постараюсь тебя опередить и первым перейти в разряд привидений: лучше уж пугать, чем пугаться. Но, Масгрейв, поведай наконец о своем фамильном призраке. Я в самом деле жажду о нем узнать и исполнен должного почтения.

– При нем и оставайся, и, так и быть, я расскажу, что мне известно о призраке, а это вкратце следующее.

Как я уже упоминал, Стоункрофт построен на месте цистерцианского монастыря, который был разрушен во вре-

мена Реформации⁹². Задняя часть дома возведена на старом фундаменте, стены состоят из камней, бывших прежде неотъемлемой частью монастырских строений. Призрак, который уже три века является членам семьи Масгрейв, это цистерцианский монах в белых одеждах своего ордена. Кто он был и почему так долго не покидает места, где прошло его земное существование, неизвестно, преданий по этому поводу не сохранилось. Являлся он обычно раз или два за жизнь одного поколения. Но, как было сказано, в последний раз его видели во времена моего деда, так что, подобно комете, он должен вот-вот возвратиться.

– Как тебе, должно быть, досадно, что ты его не повидал, – посочувствовал Армитидж.

– Конечно, но я не отчаиваюсь. По крайней мере, мне известно, где его можно ждать. Он всегда являлся в галерее, в последний раз – по соседству с комнатой, где я обосновался. Надеюсь, как-нибудь лунной ночью распахну дверь и его

---

⁹² *Реформация* – идеологическое и социально-политическое движение в Центральной и Западной Европе XVI в., оппозиционное Римско-католической церкви; зачинателем и виднейшим идеологом Реформации был немецкий богослов Мартин Лютер (1483–1546). В Англии Реформация была проведена «сверху», по воле короля Генриха VIII Тюдора (1491–1547, годы правления – 1509–1547) и в соответствии с парламентским Актом о супрематии (1534), объявившим короля верховным главой Английской церкви и провозгласившим ее независимость от папской курии. В ходе Реформации в стране была проведена секуляризация монастырского имущества и земель, которые оказались конфискованы в пользу короны, а затем проданы (либо пожалованы в собственность) средне- и мелкопоместному дворянству и буржуа.

застукаю.

– Где застукаешь? – спросил недоверчивый Армитидж.

– В галерее, конечно, на полпути между вашими дверями и моей. Именно там его видел мой дедушка. Он проснулся среди ночи от стука тяжелой двери. Выбежал в галерею, откуда слышался шум, – напротив двери моей нынешней спальни стоял цистерцианский монах в белом одеянии. На глазах у деда он проплыл по галерее и как туман растворился в той стене. Место, где он исчез, находится над старым монастырским фундаментом, стало быть, он возвращался в свою прежнюю обитель.

– И твой дедушка не усомнился в том, что видел привидение? – фыркнул Армитидж.

– Мог ли он оспорить свидетельство собственных чувств? Дедушка разглядел пришельца так же ясно, как мы нынче видим друг друга: он, подобно легкому туману, вошел в стену.

– А не думаешь ли ты, дружище, что это больше похоже на бабкины сказки, чем на дедов рассказ? – На открытом лице Масгрейва появилось отчужденное, холодное выражение, и Армитидж тут же понял, что, сам того не желая, сказал грубость.

– Извини, – поправился он, – просто я никогда не принимал всерьез истории о привидениях. Уступлю только в одном: в давние-предавние времена, в темные века (темные – в буквальном смысле), при свечах, неспособных рассеять те-

ни, духи действительно являлись. Однако в конце девятнадцатого века, когда газ и электричество превратили ночь в день, самые условия существования призраков (а точнее, веры в них, ибо это одно и то же) сведены на нет. Тьма всегда угнетала человека. Почему, не знаю, но это факт. Моя ма-тушка в этом отношении умнее своих ровесников: она всегда требовала, чтобы в спальне у ребенка по ночам горел свет; проснувшись от кошмара, я не пугался темноты. Соответственно, я вырос законченным скептиком во всем, что касается призраков, духов, явлений умирающих, выходцев с того света, двойников и прочей подобной братии. – Армитидж со спокойным самодовольством обвел взглядом комнату.

– Может, я придерживался бы того же мнения, что и ты, если бы не слышал с детства, что у нас в доме является привидение. – Масгрейв явно гордился фамильным достоянием. – Мне хотелось бы только, чтобы, убеждая вас в реальности сверхъестественного, я мог бы сослаться на собственный опыт. Я давно уже заметил слабую сторону историй о привидениях: они никогда не рассказываются от первого лица. Счастливым, встретившимся с духом, бывает приятель либо знакомый приятеля.

И тут Армитидж поклялся себе, что не пройдет и недели, как Масгрейву представится случай собственными глазами увидеть фамильное привидение, дабы он в дальнейшем мог говорить с врагами в воротах⁹³.

---

⁹³ ...говорить с врагами в воротах. – Библейская реминисценция; ср.: «Не оста-

В его изобретательном мозгу тут же зародились хитроумные замыслы, как вызвать на свет нужное видение. Но пришлось держать их под спудом. На помощь Лоли никак нельзя было рассчитывать, и Армитидж опасался, что подготовку этой практической шутки нужно будет целиком и полностью взять на себя. К тому же, хотя помощь и участие Лоли были бы не лишними, хотелось добиться двойного триумфа: пусть цистерцианского монаха увидят оба его друга. Масгрейв уже верит в духов, он – легкая добыча, но и Лоли, претендующий на независимость и непредвзятость, тоже готов поверить, если монах явится ему воочию.

Армитидж повеселел, поскольку обстоятельства благоприятствовали его нечестивому замыслу. Природные условия складывались как на заказ: луна вставала поздно, и близило полнолуние. Справившись в календаре, он с удовольствием убедился в том, что в ближайшие три ночи она будет появляться в два часа, а значит, через час конец галереи у комнаты Масгрейва будет залит лунным светом. Союзников в доме у Армитиджа не было, и ему непременно требовался помощник вне дома, владеющий иглой и ниткой, чтобы смастерить убедительное подобие белой рясы и капюшона монаха-цистерцианца. На следующий день, когда приятели отправились к Харрадайнам, чтобы покатать девушек на импровизированных салазках, ему выпало везти младшую мисс Харрадайн. Когда он с усилием толкал низкое кресло

на полозьях, застревавшее в рыхлом снегу, не было ничего проще, чем склониться к уху Кейт и шепнуть:

– Я повезу вас как можно быстрее, чтобы нас никто не услышал. Мне нужно попросить вас об одной услуге: помогите разыграть Масгрейва. Это будет практическая шутка, совершенно безобидная. Обещаете держать это в секрете дня два-три, а потом мы все вместе посмеемся?

– Да-да, я с удовольствием вам помогу, но объясните быстрее, что это за шутка.

– Я хочу изобразить перед Масгрейвом его фамильное привидение, пусть решит, что ему явился цистерцианский монах в белом капюшоне, тот самый, которого в последний раз видел его уважаемый легковерный дедушка.

– Отличная идея! Знаю, его голубая мечта – встретиться с этим призраком, и он очень обижен, что тот ему не показывается. Но что, если вы чересчур его напугаете? – Кейт отвернула зардевшееся лицо, и Армитидж невольно остановил салазки. – Одно дело – хотеть увидеть духа, и совсем другое – думать, что его видишь.

– О, не опасайтесь за Масгрейва! Мы окажем ему добрую услугу, если подарим зрелище, о котором он мечтал всю жизнь. Я устрою так, чтобы Лоли тоже присутствовал и лицезрел призрака. Двое крепких мужчин против одного привидения, к тому же поддельного, – более чем достаточно.

– Хорошо, если вы считаете, что шутка безопасная, стало быть, так оно и есть. Но что требуется от меня? Наверное,

смастерить костюм призрака?

– Именно. Я буду вам бесконечно благодарен, если вы соорудите наскоро одеяние, хоть сколько-нибудь похожее на белую рясу цистерцианца. Всего-то и нужно – на краткое время ввести в заблуждение двоих мужчин, настроенных, уж наверное, не слишком придирчиво. Швей из меня никакой (так ведь образуется мужской род от слова «швея»?), а то бы я вас не беспокоил. Наперсток меня очень раздражает, и в колледже, когда нужно было пришить пуговицу, я с одной стороны проталкивал иголку трехпенсовой монетой, а с другой – тащил зубами; до чего же тяжкий труд, скажу я вам.

Кейт весело рассмеялась:

– О, мне ничего не стоит соорудить что-нибудь подходящее из белого халата и приладить капюшон.

Армитидж посвятил ее в детали подробно разработанного замысла: как в назначенную ночь он отправится в свою комнату, а Масгрейв и Лоли – в свои, и как он будет ждать, пока не убедится, что они заснули. Когда взойдет луна (без нее не обойтись; если будет облачно, придется отложить затею), он облачится в одеяние призрачного монаха, потушит свечи, потихоньку откроет дверь и выглянет в галерею, чтобы узнать, все ли готово.

– Потом я изо всей силы хлопну дверью, ибо именно так призрак возвестил о своем появлении в прошлый раз; Масгрейв и Лоли проснутся и как ошпаренные выскочат наружу. Дверь Лоли находится рядом с моей, а Масгрейва – напро-

тив, монаха они увидят тут же и очень отчетливо, будет что обсудить впоследствии.

– Но что вы будете делать, если они вас сразу узнают?

– Этого не случится! Я опущу на лицо капюшон и встану спиной к окну. Сдается мне, при всей любви Масгрейва к фамильному привидению, встреча его не очень обрадует. Лоли – тоже. Думаю, едва завидев монаха, они улепетнут к себе и запрутся на замок. У меня будет время юркнуть в дверь, повернуть ключ, стащить с себя и спрятать маскарадный наряд, а когда ко мне постучатся, чтобы поведать об ужасном происшествии, я буду так безмятежно почивать, что не сразу проснусь. И свод рассказов о привидении пополнится еще одной историей. – Предвкушая потеху, Армитидж громко рассмеялся.

– Остается надеяться, что все пройдет так, как вы задумали, и тогда мы все получим удовольствие. А теперь, пожалуйста, разверните салазки – присоединимся к остальным, хватит на сегодня тайных совещаний. А то как бы не заподозрили, что мы вдвоем замыслиаем какую-нибудь каверзу. О, как дохнуло холодом! Мне нравится, когда в волосах свистит ветер!

Ловко развернув салазки, Армитидж погнал их перед собой навстречу пронзительному северному ветру; Кейт погрузила подбородок в теплый мех.

Армитидж успел еще сговориться с Кейт о встрече послезавтра днем на полпути между Стоункрофтом и ее домом,

чтобы забрать сверток с монашеским одеянием. Харрадайны и их гости собирались в четверг опробовать санную трассу в Стоункрофте. Но Кейт с Армитиджем решили пожертвовать этим удовольствием ради задуманного предприятия.

Заговорщикам нужно было на час-другой отделаться от прочей компании, чтобы благополучно передать из рук в руки сверток, который Армитидж должен был тайно отнести к себе в спальню и держать под замком до той ночи, когда настанет пора его использовать.

Когда молодые люди явились в Стоункрофт, мисс Харрадайн извинилась за свою младшую сестру, которая, как она сказала, осталась дома из-за сильной головной боли. Слушая ее с бьющимся сердцем, Армитидж подумал о том, с какой легкостью этот загадочный пол ссылается каждый раз на головную боль – включает ее и выключает, как воду в кране.

Поскольку джентльменов было больше, чем леди, услуг Армитиджа при катании не понадобилось, он предпочел вывести на прогулку собачью свору и веселый, как птичка, поспешил на встречу с Кейт. Упиваясь своим замыслом, Армитидж еще больше упивался проистекавшими из него тайными беседами с Кейт и теперь жалел, что их больше не предвидится. Но для задуманного им представления был необходим лунный свет, а луну в небе не удержишь по своему желанию. Призрак должен был показаться в три часа на следующую ночь, в установленное время и в установленном месте, когда освещение будет таким, как требуется.

Быстро шагая по твердому насту, Армитидж издали за-
видел Кейт. Она весело махнула рукой и, улыбаясь, указа-
ла на большой пакет, который несла с собой. С небес лило
свет красноватое зимнее солнце, под его лучами каштановые
волосы Кейт отливали рыжим, карие глаза мягко светились.
Армитидж смотрел на нее с неприкрытым восхищением.

– Бесконечно вам благодарен, вы очень любезны, – сказал
он, забирая пакет. – Я зайду завтра рассказать, чем закон-
чится наша шутка. Но как ваша головная боль? – улыбнулся
он. – Глядя на вас, никак не подумаешь, что у вас может что-
нибудь болеть, поэтому я и не спросил сразу.

– Спасибо, почти прошла. У меня и в самом деле разбо-
лелась голова, как раз вовремя. Я плохо спала этой ночью
– не потому, что взялась вам помогать, а просто мне хоте-
лось бы, чтобы все уже благополучно закончилось. Ведь хо-
дят рассказы о слишком удачных мистификациях, когда при
виде поддельного привидения люди сходят с ума. Никогда
себе не прощу, если с мистером Масгрейвом или мистером
Лоли случится серьезная неприятность.

– В самом деле, мисс Харрадайн, не думаю, что вам нуж-
но беспокоиться о нервах двух молодых здоровяков. Раз уж
вам непременно нужно тревожиться, тревожьтесь за меня.
Если они меня разоблачат, то тут же на месте разорвут в кус-
ки. Уверяю, если кому-нибудь грозит опасность, то только
мне. – Мимолетное облачко печали тут же сбежало с краси-
вого лица Кейт. И она признала, что глупо беспокоиться о

двух крепких молодцах, состоящих скорее из мускулов, чем из нервов. Они расстались, Кейт, поскольку наступили уже ранние сумерки, поспешила домой. Армитидж проводил ее взглядом и с драгоценным свертком под мышкой отправился восвояси.

В дом он вошел незамеченным, поднялся в галерею по задней лестнице и в темноте пробрался в свою комнату. Поместил свое сокровище в гардероб, запер на замок и, услышав хохот в гостиной, скатился вниз по лестнице. Уилл Масгрейв с друзьями часа два провозились на свежем воздухе, потом сумерки загнали их в дом, где они, увлеченно поглощая чай с горячими кексами, стали со смехом обсуждать недавние приключения.

– Где ты пропадал, старина? – спросил Масгрейв, когда Армитидж вошел в комнату. – Не иначе у тебя где-то припрятаны персональные санки. Если бы только луна взошла в пристойное время, а не в глухой час ночи, когда от нее никому никакого проку, мы бы отправились тебя разыскивать.

– Вам не пришлось бы долго искать, мы бы встретились на проезжей дороге.

– Но что за меланхолические предпочтения? Мог бы кататься с нами на санках, а вместо того прогуливаешься по дороге! Мой бедный друг, боюсь, ты нездоров!

Вздохи сочувствия сменились раскатом хохота, между приятелями завязалась шуточная борьба, во время которой Лоли не один раз спасал чайный стол, который иначе непре-

менно бы перевернулся.

Но вот прожорливая молодежь поглотила все кексы и гренки, были зажжены фонари, и Масгрейв с друзьями, а также братья Харрадайны отправились сопровождать юных леди домой. На Армитиджа нашел буйный стих, и, обнаружив, что Масгрейв с Лоли успели присвоить себе двух самых хорошеньких девушек, он, с фонарем в руке, заплясал по дороге, как блуждающий огонек.

Прежде чем распрощаться, молодые люди условились о завтрашних развлечениях, и Масгрейв, Лоли и Армитидж, оглашая морозный воздух разудалыми песнопениями, вернулись в Стоункрофт обедать.

Поздно вечером, когда молодые люди сидели в библиотеке, Масгрейв, достав с верхней полки какую-то книгу, внезапно воскликнул:

– Эй! Мне попался дневник моего дедушки! Здесь рассказано о том, как ему явился в галерее белый монах. Ты, Лоли, если хочешь, можешь прочитать, но давать дневник неверующему, вроде Армитиджа, – пустая затея. Ну и ну! Вот так совпадение! Он видел духа как раз ночью тридцатого декабря, ровно сорок лет назад. – Масгрейв протянул дневник Лоли, и тот его внимательно изучил.

– Ну что, «ты немного не убеждаешь меня»⁹⁴? – спросил

---

⁹⁴ ...«ты немного не убеждаешь меня»... – Библейская реминисценция; ср.: «Агриппа сказал Павлу: ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином» (Деян., 26: 28).

Армитидж, всматриваясь в его сосредоточенное лицо.

– Не могу сказать, что я думаю. Во всяком случае, ничего определенного. – И, заметив, что Масгрейву не хочется обсуждать фамильное привидение при скептически настроенном Армитидже, Лоли перевел разговор на другую тему.

Разошлись они поздно; час, которого с таким нетерпением ожидал Армитидж, уже близился.

– Спокойной ночи, – попрощался Масгрейв, входя в свою комнату. – Мне бы только донести голову до подушки. Когда весь день проводишься на свежем воздухе, в постель так и тянет.

Юноши закрыли за собой двери, и в Стоункрофте воцарилась тишина. Комнаты Армитиджа и Лоли располагались по соседству; не прошло и четверти часа, как Лоли весело пожелал ему спокойной ночи, на что приятель громко отозвался таким же пожеланием. И тут Армитидж почувствовал себя негодяем. Масгрейв и Лоли, ни о чем не подозревая, спят, он же лелеет злодейский замысел, цель которого в том, чтобы разбудить и перепугать ни в чем не повинных друзей. Закурить для развлечения сигару он не решался: вдруг Лоли на секунду проснется, заметит проникший через замочную скважину предательский дым и поймет, что приятель не только не спит, но и не думает спать.

Армитидж разложил на кровати белое монашеское одеяние; касаясь материи, он улыбался: совсем недавно над этим нарядом трудились изящные пальчики Кейт. Надеть его

предстояло лишь через два часа, и Армитидж, чтобы убить время, сел и принялся писать. Он бы охотно вздремнул. Но было понятно, что, стоит только закрыть глаза, он откроет их лишь утром, в восемь. Когда Армитидж склонился над столом, большие часы в холле пробили час – внезапно и громко, прямо по ушам, так что он вздрогнул. «До чего же крепко дрыхнет Лоли, никакой шум ему нипочем!» – подумал Армитидж, слушая храп, доносившийся из соседней комнаты. Он пододвинул поближе свечи и вновь взялся за перо и за стопку писем, свидетельство его усердия, но вот часы вновь забили. На этот раз Армитидж был готов и не вздрогнул, разве что поежился от холода. «Если б не дурацкая затея, которую я измыслил, лежать бы мне теперь в кровати, – думал он, – но нельзя же разочаровывать Кейт. Она сшила одеяние, и я должен в него облачиться, будь оно неладно». Широко зевнув, Армитидж отложил в сторону перо и подошел к окну. Ночь стояла ясная, морозная. Вдали, на темном, усеянном звездами небосклоне, вдоль линии горизонта возникло холодное свечение – это всходила луна. Насколько же отличен торжественный восход луны зимней ночью от серой утренней зари, предшественницы радостного дня. Свет луны не призван пробудить спящий мир для трудов праведных; он нисходит на сомкнутые веки усталых, серебрит могилы тех, чей покой никто больше не потревожит. Отзывчивый на яркие, радостные стимулы природы, Армитидж не проявлял той же чувствительности к мрачной ее стороне, но ему не

терпелось, чтобы фарс окончился и не нужно было больше наблюдать, как возникает и распространяется бледное сияние, торжественное, как в Судный день.

Отвернувшись от окна, он взялся за превращение себя в самое, по возможности убедительное, подобие цистерцианского монаха. Белое одеяние он, дабы казаться плотнее, накинул поверх собственного платья, под глазами изобразил темные круги, лицо сделал пугающе-белым при помощи толстого слоя пудры.

Увидев себя в зеркале, Армитидж молча усмехнулся и пожалел, что на него не смотрит сейчас Кейт. Потом он осторожно отворил дверь и выглянул в галерею. Лунный свет смутно мерцал в торцевом окне, справа от его и Лоли спален. Скоро он достигнет нужного места, не слишком яркий и не слишком тусклый, а как раз такой, какой требуется. Армитидж быстро вернулся к себе, чтобы еще подождать; подобного, близкого к страху, волнения он никогда в жизни не испытывал. Сердце в груди колотилось; когда тишину внезапно нарушило уханье совы, Армитидж вздрогнул, как слабонервная девица. В зеркало он больше не гляделся. Его пугала смертельная бледность смотревшего оттуда лица. «Проклять! Лучше бы уж Лоли по-прежнему храпел. Все-таки было б не так одиноко». Он снова высунул голову в дверь: холодные лунные лучи упирались в то самое место, где он собирался встать. Армитидж погасил свечи, распахнул дверь и, шагнув вперед, громко ею хлопнул, отчего Масгрейв и Ло-

ли вздрогнули и заворочались на подушках. Армитидж, в одежде призрачного монаха из Стоункрофта, стоял в бледном свете посреди галереи, ожидая, пока с обеих сторон распахнутся двери и покажутся бледные от страха лица друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.